

Литературная газета

Вторник, 15 июня 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Цена 30 коп.

Нет пощады шпионам!

Ванда военно-фашистских шпионов разгромлена и уничтожена. Восьмерка шпионов, предавших и продавших нашу социалистическую родину, находившихся на службе у военной разведки, расстреляна по приговору Верховного Суда Союза ССР.

Этот приговор единодушно одобряют и приветствуют миллионы советских граждан, в бесчисленных резолюциях и письмах выражая гнев советского народа и его презрение к наемникам иностранной разведки.

Смерть врагам народа! Истребить фашистско-шпионскую мразь! — такова воля всей великой Советской страны, выполненная Верховным Судом.

Точно такая же участь ожидает всех врагов трудового народа, всех изменников родины. Нет и не может быть пощады кровавым собакам фашистских разведок, пытавшимся добиться расчленения Советской страны, восстановления в нашей стране власти помещиков и капиталистов. Нет места на советской земле подлым, пытавшимся подорвать мощь нашей Красной армии и подготовить ее поражение в будущей войне!

Гнусные шпионы, нагло обманывая советский народ, маскируясь под личиной преданности стране и партии, проводили злостное вредительство в народном хозяйстве, в деле обороны страны, выходя на волю своих фашистских хозяев, стремились «подготовить почву» для кровавого разгрома фашизма, для реставрации капитализма.

Они готовили убийства руководителей партии и правительства, продавая врагам Советского Союза военные тайны нашего государства, стремились сделать все необходимое для ускорения нападения внешнего врага на нашу родину.

«Они рассчитывали своими предательскими действиями, прямой изменой и вредительством в области технического и материального снабжения фронта и в деле руководства боевыми операциями, добиться в случае войны поражения Красной армии на фронтах и свержения советского правительства. Они ждали помощи от своих хозяев военно-фашистских кругов одного из иностранных государств и за эту помощь готовы были отдать советскую Украину, расчленив нашу страну на части». (Из приказа Народного Комиссара Обороны СССР).

Проклятые фашистские наемники просчитались. Бдительность органов диктатуры рабочего класса раскрыла внешнее гавло изменников и предателей, и тяжкий меч советского правосудия опустился на их преступные головы.

Агенты мирового фашизма — все эти гамажиры, тухачевские, уберевичи, якиры — повесили заслуженную вину.

Рабоче-крестьянская Красная армия, очистив себя от этой скверны, стала еще более сильной и крепкой, еще более готовой к жестокому отпору всем врагам социалистической страны.

Пусть вопят фашистские заправчики о «слабости СССР», о «растроях в рядах Красной армии» и т. д. и т. п. Это — плач фашистских разведок о своих агентах, это — вопль ярости капиталистических хозяев, у которых отняты их верные слуги.

Каждый труженик нашей страны знает, что муча и непобедима Красная армия, что несокрушима мощь и крепость Советской страны. Уничтожив кучку презренных негодяев, мы нанесли жестокий удар по фашистской агентуре, развелив в прах еще один гнусный план, еще один кровавый заговор господ Гитлера и Езефовича.

Каждый удар по лавочникам капиталистического мира, засильем в нашу страну или вербующим фашист-

скими охранными среди презренных предателей и врагов народа, укрепляет нашу страну, очищает ее от фашистского мусора, повышает бдительность миллионов советских людей.

Такие удары мы будем наносить и впредь, мы одна фашистский наемник не уйдет от каравшей руки наших славных бойцов-паркомундальцев, руководимых Н. И. Ежовым.

Раздавив шайку военных шпионов, беспощадно выкорчевывая все ее корни, Советская страна будет с еще большей силой крепить боевую мощь Красной армии, мощь нашей социалистической промышленности, обеспечивающей армию всем необходимым.

Фашизму удалось купить жалкую кучку продажных негодяев, обезвреженных ныне приговором Верховного Суда.

Но никогда фашизму не удастся отнять у трудящихся завоевания Великой Пролетарской революции, поколебать основы советского строя, ослабить основы единства народов Советского Союза, слопанных вокруг советского правительства и партии Ленина — Сталина.

«Красная армия есть и всегда будет плоть и кровь победившего народа, строящего новую социалистическую жизнь. Мы начинаем свои ряды от фашистско-шпионской мразности и впредь не допустим повторения этих позорных фактов. Отныне своим армией от гнилой армии, мы тем самым делаем ее еще более сильной и неуязвимой. Армия укрепляется тем, что очищает себя от скверны.

Красная армия обязана и будет иметь до конца честный, преданный делу рабочий и крестьян, полностью своей командно-начальствующий состав.

Красная армия целиком, от красноармейца до высшего начальника, была, есть и всегда будет единым мощным, монолитным боевым коллективом».

Эта могучая армия социализма даст беспощадный и сокрушительный отпор любой попытке врага проникнуть на священную землю нашей социалистической родины.

Никакие подлые дела и замыслы тухачевских, якиров и всей фашистской шпионской шпалы не сломают торжественного духа наших замечательных бойцов и командиров, их любви и преданности советской родине, их готовности во всеоружии мучительной войны бороться и побеждать под знаменами коммунизма. Не дождутся враги поражения Красной армии, которая была и останется непобедимой!

Вместе со всем советским народом, вместе с миллионом наших друзей за рубежом, советские писатели приветствуют и полностью одобряют приговор Верховного Суда, уничтоживший банда шпионов.

Гнусная фигура прохвоста Эйдемана, всячески пытавшегося терпеться в доверие советских писателей, вызывает отвращение среди всех работников литературного фронта.

Писатели Советской страны со всей силой ненависти и гнева, со всей страстью бойцов социалистической культуры клянутся позором и презрением проклятых лакеев фашистских разведок.

Сплоченные вокруг партии и ее великого вождя, крепящие фронт отечественной литературы, советские писатели будут с еще большей силой бороться своим творчеством за славу и честь нашей могучей родины, за воспитание широких народных масс в духе коммунизма, за преодоление пережитков капитализма в сознании людей.

Выше зоркость и бдительность! Разгромим и выкорчем до конца подлых врагов народа, предателей и изменников родины!

Советские писатели, вместе со всем великим советским народом, одобряют расстрел фашистских шпионов, предателей родины

Враг орудует вблизи

Нет преступления более гнусного, чем измена родины.

Мерзкое дело изменников Тухачевского, Якира и других вызывает чувство глубокого отвращения и глубочайшей ненависти.

Они предавали нашу родину фашизму. Они хотели отдать в кабалу наш народ, загнать его в фашистский застеноч, растоптать отечество трудящихся всего мира, надежду всего передового и прогрессивного человечества. Смерть — единственно возможный приговор предателям.

Мы живем в пограничном городе, враг орудует вблизи. Враг засылает в нашу страну диверсантов и шпионов. Вооруженные Сталинской Конституцией, мы обязаны, показывая в художественных образах силу и мощь нашего великого народа, разоблачать прощис врага, показывать, какими хитрыми путями проникает он в ряды честных советских граждан. Большевикская бдительность — вот, что должно руководить всеми нашими действиями.

Преданность родине, идеям социализма, большевистской партии, нашему любимому вождю — товарищу Сталину — эти лучшие, благороднейшие чувства возмущают советский народ.

Вся работа, вся наша жизнь — на борьбу за непобедимую социалистическую родину!

Николай ТИХОНОВ, Мих. СЛОНИМСКИЙ, Александр ПРОКОФЬЕВ, Борис ЛАВРЕНОВ, Мих. ЗОЦЕНКО, Г. МИРОШНИЧЕНКО.

Ленинград.

Враги заплатят своей головой

Секция драматургов ССП СССР с чувством полного удовлетворения приветствует приговор Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР по делу фашистских шпионов.

Расстрел изменников народа усиливает мощь нашей родины. Советский народ не позволит отдать прекрасную родину на растерзание фашистским бандам.

За каждую каплю пролетарской крови враги народа заплатят своей головой.

Наша земля священна и непркосновенна.

Да здравствует наша великая социалистическая родина!

Да здравствует великая партия Ленина — Сталина!

Секция драматургов ССП: Н. ТРЕНЕВ, В. ВИШНЕВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, А. АЯКОВ, Б. ЛЕВИН, В. ГУСЕВ, О. ЛЕОНИДОВ.

Наша родина непобедима

И. ФЕФЕР

Они предавали нас. Они хотели нашу солнечную родину превратить в огромное кладбище. Они хотели наши претупные леса превратить в высилицы. Они хотели восстановить страну господ, страну рабов.

Они промахнулись, — эти фашистские молодчики, эти омерзительные торговцы человеческой кровью, эти троцкистские выродки.

Могучий, непобедимый советский народ судил шпионов и воздал им по заслугам.

Наша родина — непобедима!

Наша героическая Красная армия — непобедима!

В этом еще раз убедилась наша страна. Вот почему она так свирепеет и злобствует.

Пусть знают они, что каждого, кто посмеет посягнуть на счастье советских народов, мы испепелим своей ненавистью, раздавим, как гадюку, так же, как эту мерзкую банда фашистских авантюристов!

ДОЛГ ПИСАТЕЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ

Л. НИКУЛИН

В дни процесса «параллельного троцкистского центра» немецкий писатель Лео Фейтхвангер призвал советских писателей показать в художественном произведении путь троцкистского выродка-предателя.

Это — огромная и достойная советского писателя задача.

В такой работе не может быть места ни поверхностности, ни легкомыслию. Здесь нужно открыть миру честное, свободное, максималистское психологическое изображение, посвящающего на свободу и счастье своей страны. Человечка, противопоставляющего себя партии и народу. Человечка, пожалевавшего зачеркнуть, выжить из человеческого сознания то, чему учили Маркс, Ленин и Сталин.

Поклонение, которому сейчас 20 и 25 лет, выросло в социалистической стране, в стране, где орудия производства и земля в руках рабочих и крестьян.

И это поколение они хотели загнать в Собачевики, в старые лагеря, в Тухачевские, в Ташкиловские, в Прохоровские казармы, в чайные совхоза русского народа. Колхозников октабрьского поколения они хотели отплатить в батраки Бенкендорфа, Менделеева, Вобриновского и Столыпинского.

О троцкизме говорил на пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин:

«Наша партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть

политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банда вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств».

Разве не то же нужно сказать и о правых, о наемниках капитализма, которые хотели гибели Коминтерна и истощения из памяти нашего пролетариата великой и благородной идеи солидарности трудящихся всего мира. Им мерещилось буржуазное государство, министерские портфели, покорный и безмолвствующий народ и гибель лучших людей нашей страны и человечества.

От своих зарубежных господ наемники восприняли презрение к народу и его воле. От своих зарубежных хозяев эти наемники восприняли растленную идею предка германского фашизма Бисмарка: «Кто имеет больше силы, тот имеет больше права».

У них не оказалось сил, чтобы поработить возрожденный Великий Пролетарский революцией народ великой

страны. Они улетели в небытие и забвение, но наш долг, долг литераторов, заключается в том, чтобы показать миллионам читателей их гнусный путь предательства и черной измены.

Писатель должен быть публицистом. Советский писатель должен одной из первых тем сделать тему бдительности и защиты своей страны от оголтелой и беспринципной банды вредителей, диверсантов и шпионов. Не надо глумиться ни одним литературным жанром.

Писущий эти строки 16 лет назад выступил в литературе с романом о диверсионной работе врагов на нашей среднеазиатской границе.

М. Горький первый обратился к автору со словами одобрения. Наш великий современник, которого мы потеряли год назад, понимал всю важность и актуальность этой темы для наших читателей.

Наш долг — заклеймить и показать миру, зарубежным товарищам страны наше лицо наших врагов.

И еще наш долг в книгах, пьесах, стихах во весь голос, на весь мир сказать о том, что народ наш идет за тем, что осуществил величайшие достижения в истории человечества — две пятилетки и коллективизацию крестьянского хозяйства.

Наш народ идет за Сталиным, который сделал нашу страну самой счастливой и сильной страной на земле.

Свершился грозный приговор

МИХ. ГОЛОДНЫЙ

Клубок змеиный, клубок кровавый, Разматываясь до конца. Пусть стонет враг в колыбе облавы, И масья валится с лица.

Напрасно взгляд от страха мутный Зовет на помощь мир господ. К вам, тухачевские и путы, Никто на помощь не придет!

И города и наши нивы Вам не увидят никогда. Плевками встречен взгляд будничных. Вы просчитались, господа!

И суд народа, суд наш правый вас скоро подведет в стене, Клубок змеиный и кровавый Зажат в железной пастерне.

Распутаны узлы кривые, Предатели и убийцы позор. И вижу — буквы огненные: Свершился грозный приговор!

Проклинаем предателей и шпионов

Органами НКВД поймана с политическим группой предателей — шпионов. Они, продавшие фашизму, готовили ярмо капитализма трудящимся нашей социалистической родины. Но их гнусные контрреволюционные планы не осуществлялись. Приговором пролетарского суда эта фашистская нечисть сметена с лица земли.

Пусть знают тухачевские, ездеманов, уберевичи и им подобные фашистские изверги, что им не удастся восстановить капитализм в нашей стране.

Мы клеим позоры и проклинаем предателей! Мы даем большевистское слово нашему великому Сталину и вождю нашей Красной армии Ворошилову, что в любую минуту, когда поднимается война с Востока или Запада попробуют сушить свое свянное рыло в наш советский огород, — мы сменим писательское перо на боевую винтовку и встанем в ряды нашей Красной армии!

Да здравствует коммунистическая партия и ее вождь — наш учитель, наше солнце — Сталин!

Хвала и честь славным чекистам!

Группа писателей и поэтов Союзной Осети:

И. БАДОВЕ, А. ГУЛУЕВ, Д. ПАМСУРОВ, Г. ПЛИЕВ, А. ИСАКОВ, Х. ПЛИЕВ, Г. КАЙТУНОВ.

ПОМНИТЬ О КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ

11 июня на митинге советских писателей Минска белорусские, еврейские, русские и польские писатели единодушно выражали свой безграничный гнев и возмущение подлой деятельностью банды изменников и шпионов и горячо приветствовали верного часового диктатуры рабочего класса — тов. Ежова.

Писатели заявили, что они, ни на минуту не забывая о подлой подготовке фашистского нападения на СССР, будут постоянно помнить слова великого Сталина о капиталистическом окружении.

Не дадим жить врагам Советского Союза

Письмо советских писателей

Фашисты уничтожают культуру, несут человечеству вырождение, грубость, тупую милитаризацию. Фашисты убивают лучших людей мира.

Упорно и мрачно фашизм готовится к большой европейской войне. Главным объектом нападения он наметил Союз Советских Социалистических Республик. Цель врага: поработить нашу родину, превратить ее в колонию.

Фашизм хочет повернуть историю вспять. Настоящих хозяев Советской страны он хочет вновь загнать в тиранию и обречь на вымирание, отнять у колхозников землю, облить кровью бойцов Красной армии. Фашизм подсылает к нам убийц, диверсантов, шпионов. Фашизм берет к себе на службу презренные остатки умирающих классов. И вот страна знает сейчас о поимке 8 шпионов: Тухачевского, Якира, Уберевича, Эйдемана, Примакова, Путига, Корка, Фельдмана.

Они годами носили маску. Они стремились к героическому героическому страны и реставрации капитализма. Они стремились уничтожить любимое детище народа — нашу Крас-

ную армию, победительницу, которая сумела разметать, выбросить с нашей территории полчища 14 дерзав авантюристов.

НКВД и тов. Н. И. Ежов раскрыли центр шпионов и мерзавцев. Писатели СССР требуют у Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик осуществления статьи 133-й Сталинской Конституции.

Мы требуем расстрела шпионов! Мы вместе с народом в едином порыве говорим — не дадим жить врагам Советского Союза!

Вп. Ставский, Ляхути, В. Исаков, В. Вишневский, Федосов, Леонов, Малышкин, Панферов, Новиков-Прибой, Федин, Павленко, Шолохов, Толстой, Тихонов, Погодин, Д. Бедный, Гладков, Бахматов, Тренев, Сурнов, Базмиенский, Ильинков, Юдин, Кирпотин, Минитенко, Сергеевич, Кирилленко, Луговской, Сельвинский, Голодный, Пастернак, Шагинин, Нарвазова, Макаренко, Гидаш, Бохер, Вайнерт, Волф, Спелинский, Лавренев, Прокофьев, Н. Асеев, В. Герасимов, Билиль-Белоцерковский и др.

11 июня.

Рабочие и служащие инструментального цеха 1-го Государственного подшипникового завода им. И. М. Кагановича слушают сообщение о приговоре Верховного суда СССР над шпионами, предавшими родину. Выступает помощник инструментального цеха тов. В. Юдин.

Следующий номер «Литературной газеты» с материалами, посвященными первой годовщине со дня смерти А. М. Горького, выйдет 18 июня

НЕТ И НИКОГДА НЕ БУДЕТ МЕСТА В РЯДАХ НАШЕЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ АРМИИ ПРЕДАТЕЛЯМ, ИЗМЕННИКАМ ПРИСЯГЕ И РОДИНЕ

Воля народа совершилась

Ф. ГЛАДКОВ

ЛИЦО ГАДИНЫ

В. ГЕРАСИМОВА

Восемь злодеев-шпионов, изменников родины, диверсантов, наймитов фашизма сметены бурей народного гнева: схваченные с полицией, они предстали перед социалистическим Верховным судом, приговорены к расстрелу и уничтожены.

Воля народа совершилась. Так истреблены были и были троцкисты и зинovieвцев-террористов, диверсантов, предателей, прямых агентов фашизма, стремившихся с помощью фашистских злодеев восстановить в нашей социалистической стране иго помещиков и капиталистов. Так будут истреблены все гадья, которые посмеют поднять руку на свободу многомиллионного народа, на власть советов, на незыблемые основы великой сталинской Конституции.

Славный НКВД и его боевой руководитель, верный сталинец тов. Н. И. Ежов, беспощадно выкорчевывал и стирает с лица земли всю бандитскую сволочь, всех шпионов, фашистов и диверсантов.

Восемь изменников, фашистских шпионов, ловко маскировавшихся своим высоким положением: эти люди занимали высшие командные должности в Красной армии, и им оказывалось доверие. Грязная шайка мерзавцев продавала нашим заклятым и свирепым врагам тайны нашего государства, подрывала мощь нашей родной Красной армии и стремилась вызвать войну и в этой войне привести Советский Союз к поражению. Что может быть чудовищнее и ужаснее этого преступления?

Они разоблачены и уничтожены. Вся страна полностью удовлетворена приговором суда и вздохнула с облегчением.

Наша Красная армия — наша гордость и сила, представляющая величайший образец органического слияния армии с народом, — попрежнему непобедима и могуча.

Нет в мире такой силы, которая могла бы нарушить это единство и поколебать беспримерную его мощь. И многомиллионные патриоты своей социалистической родины ни на миг не позволят поколебать оплоту своего могущества.

Нет на земном шаре такой страны, как Советский Союз, которая бы так твердо и непоколебимо стояла на страже всех великих идеалов культурного человечества: наше социалистическое государство пользуется безмерной любовью всех, кто борется за светлое будущее, за освобождение людей от ита варварского фашизма, от вымирания и гибели.

И не только все мы, советские патриоты, встречаем приговор Верховного суда с радостью, но удовлетворены им и все массы честных и прогрессивных людей за рубежом.

Но нельзя успокаиваться! Будем еще более бдительны, ибо остались еще последние эти мерзавцы. Их надо уничтожить до последнего. Пусть не будет от них мразей на нашей земле. Ни на минуту нельзя забывать, что мы — в окружении врагов.

Пусть глаз наш будет еще более острым, и пусть карающая рука страст каждого, посмевшего нарушить великие основы нашей сталинской Конституции и изменить родину.

Безграничной любовью народа окружена наша Красная армия, безграничной преданностью полон наш народ к своей коммунистической партии, к своему великому вождю. И эта любовь и преданность вынуждают непобедимой силой нашу страну. И пусть не помышляют фашистские палачи коснуться наших рубежей.

Все темные силы наших врагов будут раздавлены беспощадно.

ВНЕ СОВЕТСКОГО СТРОЯ ЖИЗНИ ДЛЯ НАС НЕТ

А. ПРОКОФЬЕВ

Приведен в исполнение приговор великой страны и великого народа над сворой бандитов, предателей и изменников. Вырвано с корнем и уничтожено злое гнездо фашистских шпионов, подлинных псов фашизма. Галы растоптаны, уничтожены, сметены.

Страна раскрыла их чудовищные преступления перед советским народом, лишила их жизни, покрыла негласными вечным покоем их презренные роды и род имени.

Могуча и победоносна советская страна. Непокоримую стоит она, и ее алды немеркнущий флаг, ее знамя, добытое и политое кровью лучших сынов, гордо веет по всем ее просторам. Никогда не улетит фашистам ослепать нас рабами! Потому что, мы любим нашу советскую родину, нашу отчужденную великую сыновей и дочерей любовь.

Потому, что вне советского строя для нас нет жизни.

Если враг посягнет на священные границы нашей родины:

То за эту страну мы под грохот орудий

Встанем, с моря и с неба грозя.

Потому что, когда стали счастливы

люди,

То отнять это счастье нельзя

Никому, никогда! Никогда!

Ленинград.

Заклятые враги страны социализма опять просчитались

На митингах в издательствах

На двух митингах в Издательстве иностранных рабочих — 11 и 13 июня — сотрудники издательства выразили свое презрение подлым изменникам родины и приветствовали приговор Специального Суда Союза ССР.

«Проклятая военно-шпионская группа хотела потопить в крови нашу прекрасную страну, — читаем мы в резолюции работников издательства. — Пролетарияты врагу группа эта мечтала о восстановлении власти помещиков и капиталистов под эгидой фашистской свастикой. Но враги просчитались. Недержимое око пролетарской диктатуры, неутомимая работа советской разведки, участие в которой принимали многомиллионные трудящиеся массы нашей родины, разгромили и эту банду фашистских шпионов, как разгромил всякого, кто посягнет на международное отечество пролетариата».

Приветствуя уничтожение гнусных лазутчиков фашистских штабов, сотрудники издательства заверяют партию и правительство:

«Мы еще более усилим нашу бдительность! Пусть трещат все шпионы, диверсанты и убийцы! Да здравствует НКВД и его руководитель тов. Ежов! Пусть крепнет на страже врагам диктатура рабочего класса!»

Пусть крепнет наша доблестная Рабоче-крестьянская Красная армия под руководством коммунистической партии и ее Центрального Комитета во главе с товарищем Сталиным!»

С сообщением о процессе над группой подлых шпионов, изменников родины на митинге в Издательстве выступил заведующий издательством т. Б. Ф. Малкин, после которого выступили редакторы и другие работники Издательства.

В своей резолюции сотрудники издательства заявляют:

«Разгром гнусного шпионско-фашистского ядра — наглядное свидетельство того, что каждый, посягающий на СССР, погибнет, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

На митингах в издательствах

На двух митингах в Издательстве иностранных рабочих — 11 и 13 июня — сотрудники издательства выразили свое презрение подлым изменникам родины и приветствовали приговор Специального Суда Союза ССР.

«Проклятая военно-шпионская группа хотела потопить в крови нашу прекрасную страну, — читаем мы в резолюции работников издательства. — Пролетарияты врагу группа эта мечтала о восстановлении власти помещиков и капиталистов под эгидой фашистской свастикой. Но враги просчитались. Недержимое око пролетарской диктатуры, неутомимая работа советской разведки, участие в которой принимали многомиллионные трудящиеся массы нашей родины, разгромили и эту банду фашистских шпионов, как разгромил всякого, кто посягнет на международное отечество пролетариата».

Приветствуя уничтожение гнусных лазутчиков фашистских штабов, сотрудники издательства заверяют партию и правительство:

«Мы еще более усилим нашу бдительность! Пусть трещат все шпионы, диверсанты и убийцы! Да здравствует НКВД и его руководитель тов. Ежов! Пусть крепнет на страже врагам диктатура рабочего класса!»

Пусть крепнет наша доблестная Рабоче-крестьянская Красная армия под руководством коммунистической партии и ее Центрального Комитета во главе с товарищем Сталиным!»

С сообщением о процессе над группой подлых шпионов, изменников родины на митинге в Издательстве выступил заведующий издательством т. Б. Ф. Малкин, после которого выступили редакторы и другие работники Издательства.

В своей резолюции сотрудники издательства заявляют:

«Разгром гнусного шпионско-фашистского ядра — наглядное свидетельство того, что каждый, посягающий на СССР, погибнет, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

На митингах в издательствах

На двух митингах в Издательстве иностранных рабочих — 11 и 13 июня — сотрудники издательства выразили свое презрение подлым изменникам родины и приветствовали приговор Специального Суда Союза ССР.

«Проклятая военно-шпионская группа хотела потопить в крови нашу прекрасную страну, — читаем мы в резолюции работников издательства. — Пролетарияты врагу группа эта мечтала о восстановлении власти помещиков и капиталистов под эгидой фашистской свастикой. Но враги просчитались. Недержимое око пролетарской диктатуры, неутомимая работа советской разведки, участие в которой принимали многомиллионные трудящиеся массы нашей родины, разгромили и эту банду фашистских шпионов, как разгромил всякого, кто посягнет на международное отечество пролетариата».

Приветствуя уничтожение гнусных лазутчиков фашистских штабов, сотрудники издательства заверяют партию и правительство:

«Мы еще более усилим нашу бдительность! Пусть трещат все шпионы, диверсанты и убийцы! Да здравствует НКВД и его руководитель тов. Ежов! Пусть крепнет на страже врагам диктатура рабочего класса!»

Пусть крепнет наша доблестная Рабоче-крестьянская Красная армия под руководством коммунистической партии и ее Центрального Комитета во главе с товарищем Сталиным!»

С сообщением о процессе над группой подлых шпионов, изменников родины на митинге в Издательстве выступил заведующий издательством т. Б. Ф. Малкин, после которого выступили редакторы и другие работники Издательства.

В своей резолюции сотрудники издательства заявляют:

«Разгром гнусного шпионско-фашистского ядра — наглядное свидетельство того, что каждый, посягающий на СССР, погибнет, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

Они враждебно относятся к делу нашей страны, которая отгоняла их из СССР, поглотит, что всякая попытка проникновения в СССР шпионов и диверсантов будет во-время пресечена».

Коллектив Издательства шлет горячий привет родной Красной армии и нашему общему органу пролетарской диктатуры НКВД и его руководителю тов. Ежову.

Вот же направление «трудящихся» и литфронтовцев, мечтающих о советской литературе, показавшей весь рост лозового, подлого, мерзкого и нечестного предательства врага.

МЫ ТОРЖЕСТВУЕМ

И. МИКИТЕНКО

Вместе со всей нашей могучей страной мы выносим приговор клеветникам, фашистским шпионам, преступникам, изменникам, предателям родины. Они прокляты великим советским народом, осуждены на смерть и стерты с лица земли. Но ненависть к изменникам не утихает и не может утихнуть.

Презирая и ненавидя их подлые имена, мы торжествуем по поводу явного кризиса фашистской разведки, провала адских планов фашистских поджигателей войны. Бандиты просчитались и неизбежно просчитаются впереди.

Страна социализма — непроходима для фашистских лазутчиков, шпионов и вредителей.

Проклятие и смерть ждет каждого из них.

Границы нашей родины неприступны. Наша могучая рабоче-крестьянская Красная армия, наш великий советский народ — непобедимы. Мы торжествуем и продолжим вместе со всей страной свой творческий труд под знаменем Ленина — Сталина.

По первому зову партии они вступят в ряды родной и непобедимой Красной армии и, если это потребует, отдадут свою жизнь за социалистическое отечество, за нашу прекрасную и цветущую родину.

Гневом и возмущением звучали голоса работников издательства «Молодая гвардия», выступивших на митинге, организованном в связи с гнусным предательством шайки фашистских шпионов.

Выступавшие на митинге говорили о потере большевистской бдительности, об идиллической безопасности, в результате которой на страницах журнала «Молодая гвардия» появилась повесть немецкого шпиона фашиста Борна, выпущенная под названием «Молодая гвардия».

В принятой резолюции митинг единодушно приветствует и одобряет приговор Специального Суда Союза ССР по делу контрреволюционной банды шпионов и заговорщиков, свихших себе гнездо в Красной армии.

По первому зову партии они вступят в ряды родной и непобедимой Красной армии и, если это потребует, отдадут свою жизнь за социалистическое отечество, за нашу прекрасную и цветущую родину.

Гневом и возмущением звучали голоса работников издательства «Молодая гвардия», выступивших на митинге, организованном в связи с гнусным предательством шайки фашистских шпионов.

Выступавшие на митинге говорили о потере большевистской бдительности, об идиллической безопасности, в результате которой на страницах журнала «Молодая гвардия» появилась повесть немецкого шпиона фашиста Борна, выпущенная под названием «Молодая гвардия».

В принятой резолюции митинг единодушно приветствует и одобряет приговор Специального Суда Союза ССР по делу контрреволюционной банды шпионов и заговорщиков, свихших себе гнездо в Красной армии.

По первому зову партии они вступят в ряды родной и непобедимой Красной армии и, если это потребует, отдадут свою жизнь за социалистическое отечество, за нашу прекрасную и цветущую родину.

Гневом и возмущением звучали голоса работников издательства «Молодая гвардия», выступивших на митинге, организованном в связи с гнусным предательством шайки фашистских шпионов.

М. Горький

Колюша

Набросок

В самом бедном углу кладбища, среди осыпавшихся, размытых дождями и расплывшихся ветром могильных холмов, на одном из них, под кружевной тенью двух чахлых березок, сидела пожилая женщина в старом ситцевом платье и в черном платке на голове.

Прядь полуседых волос спускалась ей на левую щеку, сухую и морщинистую, тонкие губы были плотно сжаты, и их углы опускались книзу, образуя скорбные складки по обеим сторонам рта, и веки глаз ее тоже были опущены книзу, как всегда это бывает у людей, много плававших и не спавших много тоскливых ночей.

Она сидела неподвижно все время, она наблюдала за ней издали, и не пошевелилась, когда я положил к ней: она только подняла на меня большие, тусклые глаза и снова равнодушно опустила их, не выразив ни вопроса, ни смущения, ничего, что бы позволило мне догадаться, как она отнеслась к моему появлению перекрестка.

Я поздоровалась с ней и спросила, кто здесь лежит у нее?

Она отвечала покорно и равнодушно:

— Сына...

— Большой?

— На тринадцатом году...

— Давно умер?

— Пятый год пошел...

Она вздохнула и заправила волосы со щеки под платок. Было жарко.

Солнце беспощадно палило город мертвых; тощая трава на могилках побурела от солнца и пыли, и жалкие деревья, уныло торчащие кое-где среди крестов, тоже покрытые слоем пыли, стояли неподвижно, точно и они были мертвы.

— Отчего он умер? — спросила я женщину, кивнув головой на могилу ее сына.

— Долгая развлекла... — кратко сказала она, погладила землю холма своей морщинистой рукой.

— Как же это случилось?

Я чувствовал, что я неадекватен, но равнодушие этой матери и интриговало и раздражало меня. Мне, в силу какого-то таинственного каприза, хотелось видеть слезы на ее глазах. Это же равнодушие было неестественно, в то же время я видел, что она несколько не сдерживала себя.

Мой вопрос заставил ее снова поднять глаза на меня. И молча, тщательно оглядев мою фигуру с головы до ног, она тихонько вздохнула и стала рассказывать задумчиво и ровно...

— А видите-ли, как это случилось...

Отец-то его в тюрьме сидел года полтора за растрату казенных денег, и в это время мы все достали своим прощам. Мало их было, достаточного. И к тому времени, как выйти отцу из тюрьмы, я уже почти к хрену топнула. Полярился мне огорошкин Ладик, воз негодного хрена — и его выстушила, да попомас с кизиями и жгу. Угарно. И от варена — запах. Колюша учился в ту пору. Войной он был... и домовитый. Идет бывало из училища — щеку, полено где увидит, сейчас подпрыгнет его и домой. Да... Весна была, тепло уже, а сапожники-то у него еще валенные были. Бывало, намокнут... Снимет он их, а ножонки-то кра-асные. В эту самую пору отца из тюрьмы выпустили и привезли на извозчике домой. Паралит он разбил в тачке... Лежит это он, улыбается тупо, кисло, а я стою над ним и думаю: чем я его-то еще, погубила моего,

кормить буду? Так бы в лужу на улицу и выпырынула. А Колюша-то смотрит и плачет. Победнее весь, смотрит на отца, а по щекам-то слезы крупные-крупные — так и бегут. «Мамочка, говорит, что это он?» «Дождя! говорю... Да и пошло с этого дня. И пошло-с. Метусь я, как угорелая, а больше двадцати копеек, да и то в счастливый день, достать не могу... Смерть моя... хоть руки на себя наложить. А Колюша-то смотрит... и такой темный становится... Как-то не стерпела я... «Окаянная жизнь, говорю... издохнуть бы... А то помрала бы хоть вы который... Это на них я, на отца-то с Колюшей... Отец-то кивает головой: и, дескать, скоро умру, не ругайся, потерпи. А Колюша... посмотрел на меня, да и ушел и ушел из дому-то. После опомнилась я... ну, опоздала уж. Опоздала, да. Потому что часу, сударь вы мой, не прошло с той поры, как он, Колюша-то, ушел, является полицейский на извозчике. «Вы госпожа Шмидт?» И уж сразу почувствовала несчастье... «Пожалуйста, говорит, лошади купца Анохина зашибли...» Поехала я в больницу. На протекте-то точно на раскаленных гвоздях сижу. Думаю про себя — окаянная ты женщина, азафема! Приехали. Лежит он, Колюша-то, обвязанный весь. Улыбается... и слезы у него из глаз текут... Тихонько так шепчет мне: «Мамочка, простите! Деньги у околотоного».

«Как же говорю, Колюша, деньги, бог с тобой?» — «А те, говорит, деньги, которые публики мне набросала и Анохин дал...» «За что?» «А вот, говорит, за это...» и застал он, тихонько так. Глазками больше он, тихонько так. «Колюшенька, да как же это ты, батюшка, не выдал?» — «Он... сударь вы мой, ясно таково и говорит мне: «И видел я ее... колюшку... да... мне не хотелось уйти-то. Я думаю — коли раздают — денег дадут... И дали...» Вот... так он сказал... Появля я, уразумела его, ангела, но поздно. Поутру он и скончался... В памяти скончался. Говорил себе: «Мамочка, купите, говорит, напе того-то, и того-то и себе, говорит, купите...» Деньги, дескать, много. Денег, действительно, сорок семь рублей было. Ходила я было к Анохину, но он дал пятидесяти и ругается. Мальчишка, говорит, — все это видел, — сам пол лошадей бросился, а ты хитришь, хитришь.

И уж и не пошла больше. Вот как все это случилось, сударь вы мой.

Она замолчала, такая же равнодушно и сухая, как и до своего рассказа.

На кладбище было тихо и пустынно; кресты, чахлые деревья между ними, холмики земли и равнодушная женщина, сидевшая в скорбной позе на одном из них, — все это напоминало о горе людей и о смерти.

А безоблачное небо было ясно и извивало сухой зной.

И достал из кармана сколько-то денег и протянул их этой еще при жизни омертвевшей от несчастий женщине...

Она выгнула голову и странно медленно сказала мне:

— Не беспокойте себя, сударь вы мой, у меня на сегодня хватит... Мне ведь немного надо, одна я... теперь уж. Один человек на свете... И, глупо-глупо, она снова плотно сжала свои тонкие, искривленные скорбью губы.

«Самарская газета» 4895 г. № 186.

РУКОПИСИ И ПИСЬМА
А. М. ГОРЬКОГО

В феврале текущего года ЦИК СССР вынес постановление об организации Архива А. М. Горького — специального учреждения, ведающего всем рукописным наследием великого русского классика.

За четыре месяца существования Архив проделал большую работу. Собрано около 45.000 автографов и различных документов, имеющих непосредственное отношение к жизни и творчеству Горького.

В настоящее время в доме № 25 по улице Воронского оборудовано помещение для Архива. Временные документы находятся в сейфах Всесоюзной ленинской библиотеки.

Бережно, в особые папки, в несгораемых шкафах хранятся рукописи Алексея Максимовича, его письма, книги, а также рукописи писателей о горьковских поминках и поправках. Тут же — архивные дела царской охраны, доношения жандармских управлений, протоколы и переписка цензурных комитетов о различных произведениях автора «Песни о соколе».

Особый интерес представляют рукописи художественных и публицистических произведений. Их в Архиве свыше 1000.

Беловые и черновые рукописи, гранки с горьковской правкой дают представление о той огромной работе, которую проделывал великий художник над каждым своим произведением.

Добавляясь простоты и четкости языка, ясности мысли, Горький по несколько раз переписывал отдельные места, исправлял предложения, заменял одни слова другими, более точными и яркими. Порою писатель вносил существенные исправления в уже опубликованные вещи.

Среди рукописей, собранных Архивом Горького, — много незавершенных произведений: несколько очерков, рассказы «О комарах», повесть «Публика», пьесы «Сомов и другие» и «Кулак». Недавно пополнила рукописи неизвестного до сих пор варианта пьесы «Дети солнца».

Очень интересен неопубликованный манускрипт «Кобальт» (1905 г.).

написанный в форме пьесы. В нем действуют: реакционная газета «Московские ведомости», либеральная газета «Русские ведомости», Витте, Миллюков и др. Метко и зло высмеивает Горький конституционные иллюзии русской буржуазии.

Из эпистолярного наследия А. М. Горького собрано уже свыше 3000 писем.

Они адресованы комсомольцам и старым членам партии, безпартийным, учителям, мастерам, агрономам — людям самых различных профессий и возрастов. Много писем к писателям — Роману Родану, А. П. Чехову, Ефимовскому, А. И. Куприну, В. Брюсову, С. Подъячеву, А. Луначарскому, В. Короленко, А. Макаренку, Вс. Ивану и др.

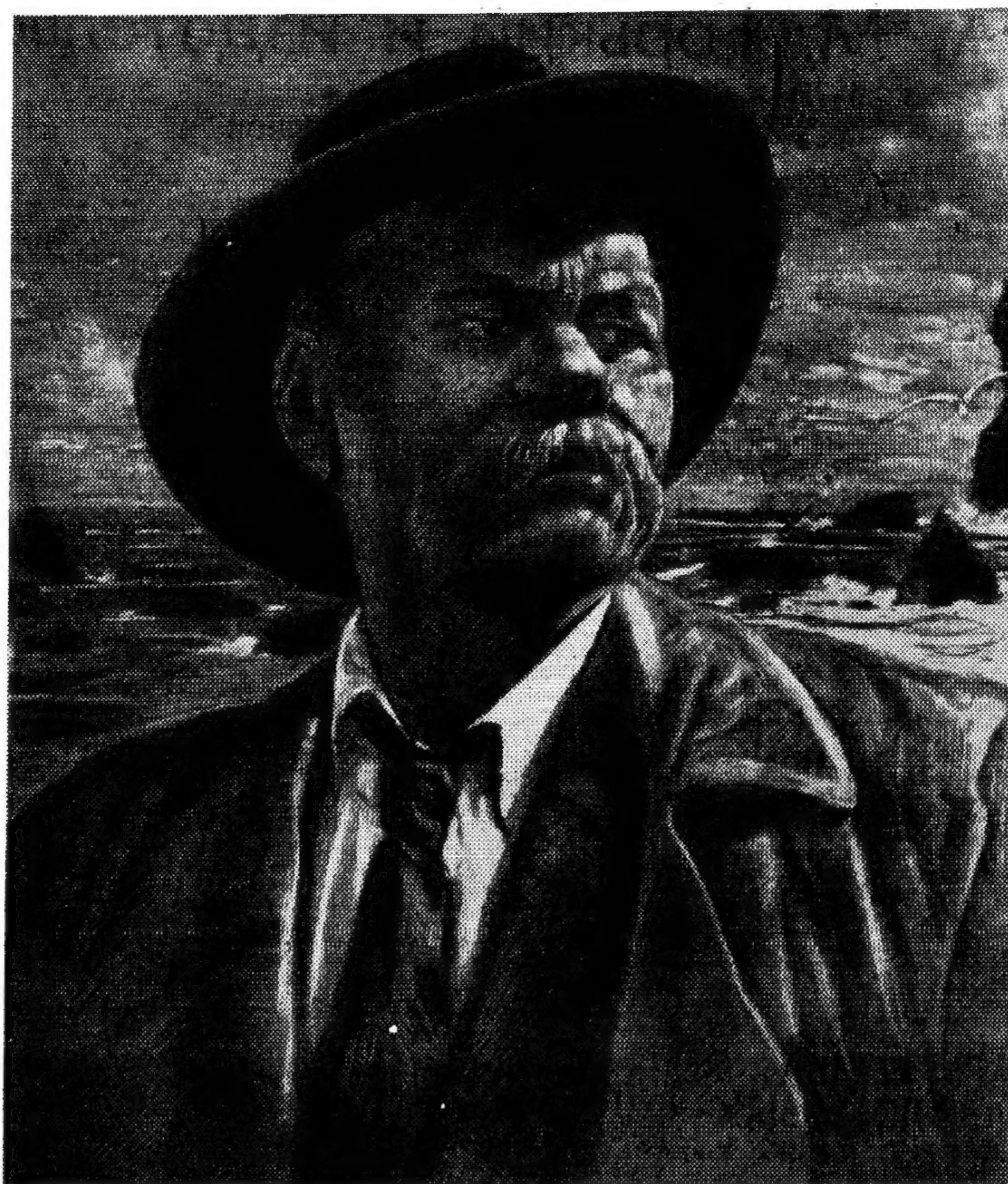
В своих письмах Алексей Максимович выступает страстным и требовательным художником, заботливым и внимательным человеком, чутким товарищем и другом, тонким психологом — полным знатоком человеческих душ.

Архив хранит также письма к Горькому. Их очень много. Вель только с 1928 г. Алексей Максимович получил по неполным данным более 27.000 корреспонденций со всех концов земного шара.

Горьковские материалы попадают в Архив различными путями. Многие письма и рукописи передают частные лица. Но большая часть материалов поступает в Архив из музеев и государственных книгохранилищ.

Сотрудники Архива неутомимо разыскивают горьковские автографы. Не так давно они буквально сносили от гибели большое собрание рукописей Горького, находившееся в подвалах Огиза.

Бывший руководитель Огиза, двуринник и предатель Токмак, абсолютно не интересовался тем, как хранятся в огневых архивах рукописи великого писателя. Больше того — он распорядился сдуть их в макулатуру. Лишь случайно эти бесценные материалы были спасены от гибели.

М. Горький — портрет работы И. Бродского.

(Выставка ВТО «Горький и театр»).

История с вами, товарищи!

Речь А. М. ГОРЬКОГО на торжественном заседании пленума
Тбилисского совета 27 июля 1928 г. *)

Товарищи! Меня сегодня назвали счастливым человеком. Это правильно, перед вами действительно счастливый человек, человек, в жизни которого осуществилось лучшее его мечтания, лучшее его надежды. Смутные мечтания, может быть, несвязные надежды, может быть, но это именно те надежды, те мечтания, которыми я жил.

Если бы я был критиком и писал книгу о Максиме Горьком, я бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть, тем, каким он стоит перед вами, тем писателем, которого вы так превозносите, чуждого, которого так любите, заключается в том; товарищи, что бы первым в русской литературе и, может быть, первым в жизни вот так, лично, — полая величайшее значение труда, труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире.

Здесь было сказано также, что природа наделила меня каким-то особенным свойством. Я не думаю этого. Я думаю, что я родился таким же, то, как каждый из вас. Я полагаю, что это так. Я думаю, что той природы, в которой очень много красоты, природы, которой мы восхищаемся, которую воображаем словами, красками, в музыке, в культуре, — этой природы в моих мечтах нет. Эта природа мучила нас то зноем, то холодом, то голодом, то болезнями. Вы подумайте, сколько в этой природе врагов наших, всевозможных стихийных сил. Если вы задумаетесь в это, вы согласитесь со мной. Ведь хлеб, который сеет крестьянин, он спешит поразить паразитам, вроде красивых васильков, пыльных колосья, которые должны питать личинное зерно.

Я, товарищи, как и вы все, конечно, восхищаюсь этой природой, но для меня роднее этой природы та природа, которую я чтю и уважаю, и скажу даже ныне откровенно словом свято что и уважаю. Это та природа, которая создана руками человека. Это та вторая природа, которую мы, люди, творим на земле.

Товарищи, я каким-то образом понял это очень рано и не в книг. В свое время, лет так 20—24 или 25, я жил такой же трудовой жизнью, как все рабочие люди моей эпохи, моего поколения. Мне приходилось испытывать то же самое, что и вам, бороться с теми же самыми паразитами в природе, с тем же голодом и холодом.

Значит, то, что делает человек, значительнее всего того, что делает природа, которой мы обязаны только тем, что она производит нас на свет.

В центральной печати публикуются впервые.

Два письма Горького с Капри

Публикуемые ниже два письма А. М. Горького относятся ко времени его пребывания на Капри в 1910—1912 годах. В это время Алексей Максимович особенно интересовался лингвистической теорией литературы.

Так как я, бывший ученик Потебни, принимал участие в последнем издании его трудов, А. М. Горький и обратился ко мне с просьбой выслать ему книгу Потебни «Мысль и язык».

В. И. ХАРЦЕВ.

Кирово (Украинский).

МНОГОВУЧАЕМЫЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ!

Примите искреннюю благодарность за драгоценную книгу Потебни, * — вы и представить себе не можете, как

я обрадован, как тронут вашей любезностью! Я искал эту книгу четыре года, — не правда ли, «и грустно и смешно»? Статью Потебни «О доле и сродных представлениях и т. д.» искал два года, а нашел лишь у К. Ф. Сумцова!

Чудесная сторочка паша Русь!

Позвольте спросить вас: издана ли Историческая грамматика, когда, кем и где? Нет ли у Потебни статей аналогичных статье «О доле», не знаете ли вы других авторов, писавших о доле, судьбе, полусудьбах? Очень прошу вас ответить.

Я знаком с вами по двум статьям вашим в издании Лезина «Вопросы теории и психологии творчества», книге чрезвычайно интересной, и я ее постоянно рекомендую «начинающим» писателям.

Сообщите, сколько времени я могу держать у себя вашу книгу и не могу ли в свою очередь быть чуждо полезным для вас?

А. ПЕШКОВ.

Капри 29/II — 12 г.

* «Мысль и язык».

Сердечно благодарен за хлопоты и заботы о нуждниках моих книжных, крепко жму руку, будущим весьма тронут любезным вашим отношением ко мне.

«Буслаева» я имею всего, статья его о «Горе-алюшастии» мне известна, — это не то, что нужно для моих целей.

Странное дело: века народ русский поет и плачет о Доле, века тпично одолевает Судьбу и подчиняется ей, побежденный, а наши фольклористы по сей день не дали сборника «Песен о Доле», и нет книги «Национальные представления славян о Доле и Судьбе», или иной какой-то заголовков.

Надо бы нам заняться изучением корнев психики и мироощущения нашего.

Еще раз спасибо вам!

А. ПЕШКОВ.

Вот, товарищи, я хотел вам сказать.

Да, она нас производила, а все остальное — от нас. Все, что мы делаем для нашего удобства, все материальные ценности, которые помогают нам жить, все машины, которые облегчают труд рабочего, — все это делается руками человека.

Это — труд человека, это — наше создание, это мы творим второй природу.

И вот мы, творцы второй природы, теперь, когда рабочий класс в Союзе Советских Социалистических Республик взял власть в свои руки, когда он взял в свои руки орудия производства, стали полными хозяевами страны.

Теперь рабочий класс, умеющий побеждать столь много, вне всякого сомнения, бесспорно сумеет устроить жизнь, свободную, справедливую, красивую жизнь, которую он давным-давно заслужил, на которую он имеет право.

Вот, товарищи, те мечты, те настроения, та сила, которые всю жизнь держали меня на ногах. Держали, держат и будут держать до конца моих дней.

Я говорю, товарищи, что вовсе не важен тот факт, что Алексей Пешков стал вследствие каких-то особенных причин Максимом Горьким. Это не важно. Важно, товарищи, одна воля человека, направленная к цели.

Важно желание быть тем, чем хочешь стать человек, свободно делать то, что хочешь он. Как раз эти условия вам даны.

Я настойчиво повторяю еще раз, что я не родился с какими-то особенными задатками. Я говорю искренне и говорю это не в первый раз. В среде вашей, в лице вас есть много людей с гораздо более тяжелым прошлым, чем мое. В среде тех людей, которые стремятся сейчас новую культурную жизнь в Союзе Советских Республик, таких людей очень много. Это та старая гвардия большевиков, которая подняла величайший бунт, который когда-либо знал мир. Эти люди не хуже меня, они не родились, по моему мнению, с какими-то особенными способностями, данными им от природы, но они приобрели их в работе.

Товарищи, очень важно усвоить эту мысль. Человек может сделать для себя все, что он захочет, если он действительно только захочет, если воля его направлена к этой цели. Тогда он сможет, он сделает, он победит.

У вас, товарищи, совершенно другие условия, чем те, в которых жила жизнь моего поколения. Вам даны основные силы, вы разорвали тяжелые цепи политического и экономического раба. Вы уже свободные люди. Вам легко сейчас, товарищи, и на вас лежит прямая обязанность, которая

в то же время является вашим правом, продолжать делать то, что вы делаете. Продолжайте делать это дружно, смело, не разбрасывайтесь, не разменивайтесь, подальше от старинки, от всего мелкого, такого злого, тяготеющего к душевному благополучию.

Рушится старый мир и рушится он всюду, во всех областях. У западной буржуазии остались в руках только рабочая сила, которую она может эксплуатировать. Это не тот пролетариат, что вы, но тем не менее он приспущивается к тому, что вы делаете, и то, что вы делаете, он будет, он должен, он обязан делать так, как это диктует ему история, а история это такая сила, против которой не попрешь.

Мне хочется, товарищи, в этих неуклюжих, может быть, словах передать вам хотя бы часть той силы, той энергии, которыми вы, именно вы, выражаете меня на протяжении тех двух месяцев, что я уже с вами.

Вот за весь этот путь от Москвы к Фрилансу и обратно я живу вашей энергией, и вы это должны знать, должны это уметь. Вы должны понимать, что вы творите новых людей, вы сами — люди, создающие ту атмосферу, которая возбуждает и волю к жизни, и радость жизни, и желание работать. Это создает какое-то праздничное настроение, воплощает в жизнь наши мечты. В эти великие дни вы творите великое дело, и ваша работа имеет огромное значение не только для нас, но и для всего мира.

От Арабата до Мурмана и от Владивостока до Ленинграда, на этом огромном пространстве сейчас рождается новый народ. Этот новый народ, эта великая сила — вы. Все, что сейчас творится, творится вами. Цель ваша ясна. На вас смотрят весь мир, к вам прислушиваются, у вас учатся. Вы победили и вы зовете к победам всех трудящихся мира.

Вот, товарищи, что вы такое! Вот, товарищи, ваша цель, вот та прекрасная жизнь, которую вы имете перед собой!

Я могу, товарищи, только поздравить вас с тем, что вы таковы, каковы вы есть...

Я от всей души желаю вам, товарищи, внимательно вдумываться в работу каждого из вас, глубже ее ценить, помнить каждый момент, что вы творите великое, огромное дело, которого еще никто не делал. Удаляйте из вашей жизни все то, что мешает вам строить новую счастливую радостную жизнь.

История с вами, товарищи! История за вас, потому что вы — ее творцы.

Вот, что, товарищи, я хотел вам сказать.

М. Горький

Ма-аленькая!..

«...И была она, браток, телом-то ма-аленькая!..»

Каждый раз, как я вспоминаю эту фразу, из дали прошлого мне улыбаются две пары подслеповатых старческих глаз, улыбаются такой тихой, ласковой улыбкой любви, сожаления, и в ушах звучат два надтреснутых голоса, одинаково характерно подчеркивающие то обстоятельство, что «она» была маленькая!..

И мне делается так хорошо и легко от этого воспоминания, лучшего за все десять месяцев моего хождения пешком по кривым дорогам нашей родины, такой большой и такой печальной...

*

По пути из Задонска в Воронеж я догнал двух богомолцев — старика и старуху. Обним им с виду было лет полтора; они шли так медленно и неуемно, тяжело двигая ступни по горящей пыли дороги, и оба имели в физиономиях и в одежде еле уловимое нечто; это нечто сразу позволяло заметить, что старики идут издали.

Из Тобольской губернии шагаем... со господней помощью! — подтвердил старик мое предположение.

А старуха на ходу ласково оглянула меня добрыми, когда-то голубыми глазами и, добродушно улыбаясь, добавила, задыхаясь:

— Из самого Н-ского завода, деревеньки Лысой будем мы с отцом-то!

— То-то, чай, изустали?

— Мы-то? Ничего! Пока двигаемся... подем божьей милостью!

— По обету, что ли, али так, старости ради?

— По обету, браток. Обещание, значит, дали киевским и вологодским угодникам божьим... Да... снова подтвердил старик... — Мать! послим, вадиком маленько? — обратился он к спутнице.

— Ну, что ж? — согласилась та.

И вот мы сели в тень от старой придорожной ветлы. День был жаркий, небо безоблачно, вперед и сзади нас извивалась дорога и уходила в дали, завешанные вьюной и тмло. Кругом было пустынно и тихо. По оба бока дороги неподвижно стояла чахлая розь.

— Высосали землю-то! — сказал старик, подавая мне несколько сорванных колосков.

Мы заговорили о земле и о жесткой зависимости от нее крестьянской судьбы. Старуха слушала нас и вдалеке, порой вставая в наши речи хорошее, опытное слово.

— Кабы жила была она, сколько бы накупила сердечко свое на таком-то поле! — вдруг сказала старуха, оглянувшись вокруг на полосу низенькой, выгоревшей ржи, испещренные плешинами.

— Да-а! уж порадела бы... — качнул головой старик.

И оба они вдруг замолчали.

— О ком это вы? — спросил я.

— Старик добродушно улыбнулся.

— Тут... вспоминаем об одном...

— Стояла наша была... Барышня... — вздохнула старуха.

— И вдруг оба они, глядя на меня, точно сговорившись между собой, протянули медленно и жалостно в унисон друг другу:

— Ма-аленькая така была телом-то!

— Это странно, и очень больно резнуло меня по сердцу. Нечто запутанное звучало в их старых голосах. А они вдруг, торопясь и перебивая друг друга, стали рассказывать так быстро, что мне, сидевшему между ними, оставалось только поворачивать голову от одного рассказчика к другому.

— Привез ее к нам урядник и одел, значит, старосте. Определя ее на покой, — говорит...

— На квартиру, стало быть, кому-нибудь! — пояснила старуха.

— Ее к нам и определили.

— Глядим — красная вся... дрожит о холоду-то...

— А сама така ма-аленькая...

— Аж в слезы мы...

— Господи, думаем, куда ее такую заслали?

— На какую ее потребу? За какую такую провинность?

— А она, слышь ты, откопало от судова...

— Из России, стало быть...

— Мы ее первым делом — на печь...

— Печь-то у нас бо-ольшая, да теплая, — сокрушенно вздохнула старуха.

— Ну, потом, значит... кормить ее!

— Сместся!

— Глазеньки-то черные, как у мыша...

И вся-то она, как мыша... гладка да крутая...

Отдыхалась... плачет. Спасибо, говорит, родным!

— И ушла вортень!!!

— Уж и начала ж! — с восхищением выкрикнул старик и засмеялся, сощурился глазами.

— Катается тебе по зыбам, как клубок, и гоношит и гоношит... И то, и это... и то поставит так, и это влад...

Лоханс с помогом вон, сининым, говорит, тащит... Да сама и хвати рученьками-то, да осклабулась... да по плечи руки-то в по-омон-то буди! Ах, ты...

И оба они засмеялись, задыхаясь и кашляя до слез.

— Поросята опять же...

— Целует их прямо в рыла!

— Невозможно, говорят... Вой поросе!

— В иелюю умучила вот как!

— В пот, бывало, вгонит...

Горький в Самаре

Весной 1895 года в редакции «Самарской газеты» появился новый сотрудник. Это был «совсем молодой человек» — вспоминает о нем бывшая заведующая редакцией газеты Е. Иванова. — У него было простое, но очень красивое, скупавшее лицо с чуть-чуть провалившимися светлыми усами. Одет он был как-то странно — на нем черная широкая рубашка, какие носили волжские грузчики, широкие кожаные кушак. Бюроксы заправлены в порывистые сапоги».

Вновь прибывший откровенно полюбил Алексея Максимовича Пешкова. Он быстро освоился с редакционной обстановкой, быстро сошелся с людьми и скоро его окрестили басовитым говором оказался ведущим в хоре голосов работников «Самарской газеты».

В Самаре Горький прожил около 16 месяцев. За это время он напечатал в «Самарской газете» свыше трехсот обзоров, статей и фельетонов, подписанных их хлестким и смешным псевдонимом «Иегудий Хламида».

Фельетоны Хламиды были необычайно популярны среди самарцев. Метко и зло бичевал в них Горький «отцов города», эксплуататорско-хозяишеские, обывательские пороки, безобразия городской думы. От внимательного, пытливого взора художника не ускользали ни одна мелочь, ни одно происшествие самарской жизни.

Помимо фельетонов Горький печатал в газете рассказы и очерки о боях, об утешении, заведенных царским строем людях («Два босака», «Малявская», «Колоша», «О том, как помыли Семугу»). И в фельетонах, и в рассказах Горький выступал пламенным выразителем воли и чаяний широких народных масс. Не удивительно поэтому, что каждая новая вещь Хламиды вызвала бурю негодования в городских «верхах». «Обиженные» поднимали вой, искали по городу автора, чтобы расправиться с ним, а губернатор вызвал к себе редактора Костерина и «делал ему внушения».

Цензура особо тщательно просматривала горьковские материалы. Придиралась к каждому слову, выражению. Порою до неузнаваемости искажала текст.

Работничек И. И. Горький рассказывал, как помнил Горького цензурские придирки: «Однажды Алексей Максимович просматривал гранки газетных материалов, привезенных из цензуры. Цензурский карандаш разгуливал по-всюду, и целые статьи были изъятые и перечеркнуты. Горький, побесившись цензурскими провазом, рамакнулся и швырнул пачку гранок на голландскую печь в помещении типографии. В это время началось гуляние, и Алексей Максимович ушел в Струговский сад».

Он пробыл там очень долго, а в редакции в типографии начался паника. Цензурский взломщик гранок исчез, и номер нельзя было выпустить. Я сбился с ног в поисках их, наконец, кто-то сообщил, что видел гранки в руках Горького.

Я о корректоршей Е. П. Волжской бросился в сад. С трудом мы отыскали Горького, окруженного тесной толпой друзей-работничек, и узнали о судьбе аполлоновых материалов».

Горький жил в Самаре под двойным надзором: произведения его контролировала цензура, жизнь же писателя, его встречи и поступки были под неустанным наблюдением самарской жандармерии. Слежку за Горьким жандармы установили еще до его приезда в Самару. Писатель был еще в пути, а нижегородские жандармыское управление уже «любезно» уведомляло своего самарского собрата: «Мещанин Алексей Максимович Пешков выбыл из города Нижнего-Новгорода в с. Самару».

Жандармам было отчего беспокоиться. Переехав в Самару, писатель не только не «смирился», а, наоборот, все больше и больше развивал свою революционную деятельность. Он оплотнил вокруг себя большую группу рабочих, принимая деятельное участие в организации общества книгопечатников, дружил с революционно-настроенными жителями города, словом, вел себя, с точки зрения жандармского управления, крайне неприятно.

Горький был лучшим нашим другом, пишет И. И. Горький. — Он беседовал с нами, заходил в типографию, с ним проводили мы в городском мажор. Мы тянулись к нему, чувствуя в нем не только талантливого писателя, но и родного, близкого нам человека.

Горьковские дни на Украине

(От наших корреспондентов)

Секретарят ССП Украины в ознаменованье первой годовщины со дня смерти основоположника пролетарской литературы А. М. Горького возбуждает ходатайство о переименовании Козынецкого района, где великий писатель бывал при посещении Украины, в район им. Горького.

15 июня союз организует литературный митинг памяти Горького, на котором с докладом о творчестве А. М. Горького выступит доктор литературы профессор проф. Велеский.

В местах пребывания Горького на Украине, в частности — в с. Мандовке Козынецкого района и др., состоятся собрания, посвященные памяти великого писателя.

Радиокомитет организует выступления у микрофона киевских писателей.

18 июня на киевских заводах и предприятных состоится вечер, посвященный памяти великого писателя.

Гослитиздат сдал в печать три тома А. М. Горького «Детство», «В людях» и «Мои университеты». Тираж — 20 тысяч экземпляров.

Харьковская государственная библиотека им. Коренько открывает выставку памяти великого писателя. Особый раздел ее посвящен теме «Ленин и Сталин — Горькому».

Читатели библиотеки харьковского завода им. Коминтерна готовятся отметить первую годовщину смерти великого писателя.

Владелик типографии Жданов застенчиво задерживался перед нами за работой. Помню, однажды он не заплатил за целый месяц Горький, узнав об этом, раздал почти все имевшиеся у него деньги наиболее нуждающимся работникам. Жданов косился на него за это, и когда такой же случай повторился, пошел слухи, что хозяин грозил ему судом».

Активное участие принимал Горький в создании «Общества взаимопомощи книгопечатников». Писатель непосредственно руководил работой этого общества.

Рабочий-печатник Г. Борисов вспоминает:

«Было проведено много заседаний, на которых Горький не пропустил ни одного и никогда не опаздывал. Много ценного мы, рабочие, услышали тогда от А. М. Горького, пока обсуждали устав».

Устав был выработан и послан куда следует. Два раза возвращали нам его, предлагая изменить тот или другой пункт. А. М. Горький с глубоким возмущением встречал каждое требование полицейских властей об изменении устава. Скрепя сердце, вносил мы в устав один за другим те пункты, которые навязывали нам «власти предержащие».

Наконец, после почти целого года мытарств по канцеляриям губернского и министерства, устав был утвержден. Организация «Общества взаимопомощи книгопечатников» мы были обязаны только трудом нашего великого пролетарского писателя-революционера А. М. Горького.

Правда, это была не чисто рабочая организация. По требованию властей в эту организацию мы были обязаны принимать на равных правах с рабочими также и владельцы типографий и чиновники. В качестве почетных членов полиция предлагала нам избрать губернатора и архимандрита.

Но мы достигли главного, как объяснил нам Алексей Максимович, — мы получили свою организацию. А организованность — это частое повторение Алексея Максимовича, это огромная сила.

Мы получили возможность собираться и обсуждать те вопросы, которые волновали нас. Конечно, приходилось делать все осторожно: неровно час, нагрянут «почетные члены» общества. Но когда мы были уверены, что полиция далеко, мы поднимали такие вопросы, которые вовсе не предусматривались уставом общества. Мы толковали о хозяйских придирках, о царском произволе, мечтали о будущей, лучшей доле. Я не ошибусь, если скажу, что многие печатники — члены этого общества впоследствии являлись застрельщиками революционной борьбы самарского пролетариата».

Загруженный сверх меры ежедневными редакционными делами, Горький находил время и для самообразования. По свидетельству А. Треллева молодой писатель уже тогда удивлялся самарцев своей начитанностью. Он превосходно знал «Байрона, Шаллера, Гете, Шекспира, Диккенса, Теккерея, Мопассана, Гюго, Достоевского»; любил на память цитировать отрывки из Пушкина, Баратынского, Лермонтова, Полежаева».

Есть упоение в бою.

И бедны мрачной на краю!...

— Вот! — многозначительно поднимал указательный палец. Кроме широкого популярного классика, — вспоминает А. Треллев, — до юного самоучки уже совсем непонятным путем доходили произведения авторов, известных в то время в нашем обществе только любителям литературы».

Все приведенные нами факты из самарской жизни Горького взяты из готовящегося издательства «Советский писатель» сборника «Горький в Самаре». В нем собраны лучшие рассказы, очерки и фельетоны писателя, опубликованные в 1895—96 годах в «Самарской газете». Они ни разу не переиздавались.

Большую ценность представляют воспоминания о Горьком бывших самарских друзей и знакомых писателя, посвященные тому периоду творчества великого пролетарского классика, когда им были созданы «Песня о соколе», рассказы «Гости», «На плато» и другие замечательные произведения.

Приходится только пожалеть, что эта нужная и интересная книга не выйдет к первой годовщине смерти писателя. Рукопись «Горький в Самаре» только на днях сдана издательству в типографию.

В. АНОВ

А. М. Горький и издательское дело

Н. НАКОРЯКОВ

Сердечное спасибо вам, товарищи, за подарок!

М. Горький.

11/Х—32 г. Москва.

Между прочим в этом письме чрезвычайно характерны слова: «...А то мне раз кажется, что у нас разучились книги издавать...».

На эту тему А. М. вел многократно с нами, издателями, горячие разговоры и споры, показывая образцы искусства издания книги и часто гневно требуя более глубокой, более совершенной работы над книгой.

Постоянное, инициативное участие А. М. в издательских делах проходит через всю его жизнь. В этом направлении общезначимого его организаторского таланта и руководства писательского издательства «Знание». Не так известно, но не менее активно его участие в осуществлении издания ряда партийных журналов в период после 1905 года.

Переписка В. И. Ленина с Горьким не раз касалась вопросов издательских дел и их практического осуществления. Но особенно активной становится деятельность А. М. в больших издательских мероприятиях после Октября. Он организует и руководит лично издательством «Всемирная литература», он создает грандиозный план издания библиотеки «Русская классическая литература». Интереснейшая записка А. М. по этому вопросу опубликована была в «Красном архиве» за 1937 г.

В последние годы А. М. Горький

был инициатором-вдохновителем таких грандиозных изданий, как «История гражданской войны», «История фабрик и заводов», «Летопись пятилетия». Он же первый подал мысль и набросал план «Библиотеки исторических романов», по его плану созданы и издаются «Библиотека поэта»; до сих пор так и остается еще неуспешным его же план серии научно-популярных художественных произведений (повестей, романов, научных фантазий).

Инициатива А. М. в отношении издательских мероприятий была буквально неисчерпаема.

Но значительность таких начинаний не мешала А. М. относиться с величайшим кропотливым вниманием ко всем нашим издательским планам, особенно к планам Гослитиздата.

Вот одно письмо А. М. Горького, адресованное мне по поводу плана Гослитиздата 1935 года:

«Я не представляю пределов, в каких окончательный план может быть изменен, да-мне кажется, что изменения и вообще невозможны, ибо все книги обусловлены договорами».

Меня очень удивили перечисленные на стр. 20 авторы:

Рихтер, Филлипп, Гофман, Кальдерон, Шамиссо, а также Антология греческой лирики и Драмы Греции.

Мне кажется, что все эти авторы подлежат изданию в «Академии», некоторые из них уже имеются в ее плане, Греческая лирика — тоже. Откуда они попали к Вам?

Затем я полагаю-бы, что, издавая «Колла Бринья» Роллана, следует издать «Гартеран» Доля и «Уленингера» Де Костера — эти книги одинаковы по теме, одна дает буржуазную, как националистическую, картину, две другие — пролетарскую и фашистскую.

На 15-й стр. указан «Чехов» — без автора, на 21-й «Чехов» Валуахотского. Это — две разные книги?

По вопросу об издании «Словаря» Дали, я согласен с мнением Карпинского; но не вижу — почему нужно исключать Боуана Куртене?

Подарю Вас с XVIII Октября, желаю здоровья и успеха в трудной Вашей работе. Крепко жму руку.

М. Горький.

7. XI. 34.

Перечитывая это письмо, удивляешься, как у величайшего писателя нашей современности хватало времени и внимания, чтобы уловить не только простые ошибки в тексте плана (двойное упоминание книги о Чехове), но и помнить то, что должен издать Гослитиздат, «Академия». А. М. заметил и основной недостаток всех издательских планов — зависимость их от ранее заключенных договоров. В этом направлении он справедливо и не раз упрекал издателей: заключать вы договоры независимо от потребности и интересов читателей».

В письме это сказано в виде сожаления, упрека. Но на страницах плана Алексей Максимович не стеснялся, ставил выразительные знаки своих соображений. И это было настоящим руководством, обусловленным огромной любовью к художественной литературе, глубоким пониманием ее роли в деле развития социалистической культуры.

ИЗ БЕСЕДЫ С А. И. КУПРИНЫМ

Впервые я встретился с Алексеем Максимовичем Горьким в гостях у А. П. Чехова. Было это в конце девяностых годов, точной даты я не помню, но выходе в свет первых томов его сочинения в издании Дароватского и Чарушников.

Тогда же, прочитав эти книги, я предлагал автору шумный успех, который и не замедлил прийти: Максим Горький через год уже был знаменитостью.

Я очень высоко ценил его ум и талант. Дружил мы с ним исключительно на литературной почве, о политике он со мной никогда не говорил — не считал меня, видно, серьезным в этом деле.

А. М. Горький был трогательным товарищем по литературе, умел вовремя поддержать, подбодрить.

Помню, я много раз бросал «Поэтинок», мне казалось — недостаточно ярко сделано, но Горький, прочитав написанные главы, пришел в восторг и даже прослезился. Если бы он не вдохнул в меня уверенность в работе, я романа, пожалуй, своего так бы и не закончил.

Работать с Алексеем Максимовичем было легко и приятно.

Создав «Всемирную литературу», он очень заботился о писателях и старался каждому дать работу. Мне он поручил написать предисловие к собранию сочинений Дюма-отца на русском языке, что я и сделал.

Алексей Максимович прочитал, улыбнулся и сказал: «Ну, конечно, я знал, кому поручить это!» Потом я перевел для «Всемирной литературы» «Дон Карлоса» по просьбе Горького: он грустил, что единственный перевод, сделанный братом Достоевского, сильно устарел.

Это и была моя последняя в России кропотливая, утомительная и ответственная работа. Она была сделана, но не была напечатана, так как в эти дни я, — увы, — покинул родину.

Я был потрясен предсмертными словами Горького. Он советовал своей родине заступиться на все пути».

Это ли не величайшая любовь к своей стране и серьезная забота о ней?

Теперь, в годовую день его кончины, я низко склоняю голову перед всем, что он сделал для своей страны и своего народа.

Выставка в Московском университете

Московский университет открывает выставку, посвященную жизни и творчеству А. М. Горького.

Особый интерес представляет номер газеты «Искра» от 20 декабря 1901 г. (№ 13) со статьей В. И. Ленина «Начало демонстрации», в которой Владимир Ильич писал о том, как московское студенчество собралось встретить А. М. Горького, административно высланного из Нижнего-Новгорода в Крым.

«... Горького, — читаем мы в статье Ленина, — ждали на вокзале сотни учащихся, и перепуганная полиция арестовала его среди пути в вагоне, запретила ему (несмотря на особые дозволения прежде разрешения) въезд в Москву и заставила прямо проехать в Нижегородской дороге на Курскую».

Специальный раздел выставки посвящен работе Горького в большевистской печати 1910—1914 гг.

Среди других экспонатов исторические фотографии студентского революционного выступления в начале нашего века, связанных с именем А. М. Горького.

Великий друг детей

Беседа с тов. С. Я. Маршаком

Горький намечал пути развития нашей детской литературы на ближайшие годы, давал писателям темы, составлял подробные программы. При этом он учитывал не только воспитательные задачи нашей страны и эпохи, но и живые потребности и вкусы читателей-ребенка. Он понимал, что решать вопрос о том, какой должна быть книга для детей, нельзя без участия самих детей. Он обратился к ребятам Советского Союза с анкетой, состоящей всего из двух пунктов: что они читают, что и о чем хотели бы прочесть.

Чем старше становился Алексей Максимович, тем глубже и значительнее были его работы о детях, о воспитании новых людей. В разные времена своей жизни он задал издательству книг для детей, составлял программы выпуска лучших образцов классической литературы для молодежи.

Но никогда мысли о детях не забывали Горького с такой силой, как в последние годы его жизни. Великая Пролетарская Революция придала деятельности Горького новые размах, новую глубину, новые масштабы. Теперь уже речь шла не о выпуске отдельных книг, а о создании большой литературы для советских детей, направленной к воспитанию подлинных граждан социалистического общества.

Горький участвовал в самой кропотливой работе по составлению издательских планов, призывал советских литераторов и ученых писать для ребят, печатал в газетах замечательные статьи, полные идей, предположений, замыслов, накопившихся у него за многие десятилетия.

Особенно памятна его статья «Литература — детям». Он говорил: «У нас не должно, не надлежит для детей книг, которые должны способствовать развитию в малышах вкуса к знанию, должны обогащать их постижение школьной науки, знакомить их со старой действительностью, разнуменкой отцами, с новой действительностью, которую создают отцы для детей. Речь идет о настоятельной необходимости создать для детей новую, советскую, социалистическую популярно-научную и художественно яркую книгу. Дети должны

быть более культурными и еще более активными, чем их родители, основоположники нового мира».

Горький намечал пути развития нашей детской литературы на ближайшие годы, давал писателям темы, составлял подробные программы. При этом он учитывал не только воспитательные задачи нашей страны и эпохи, но и живые потребности и вкусы читателей-ребенка. Он понимал, что решать вопрос о том, какой должна быть книга для детей, нельзя без участия самих детей. Он обратился к ребятам Советского Союза с анкетой, состоящей всего из двух пунктов: что они читают, что и о чем хотели бы прочесть.

Чем старше становился Алексей Максимович, тем глубже и значительнее были его работы о детях, о воспитании новых людей. В разные времена своей жизни он задал издательству книг для детей, составлял программы выпуска лучших образцов классической литературы для молодежи.

Но никогда мысли о детях не забывали Горького с такой силой, как в последние годы его жизни. Великая Пролетарская Революция придала деятельности Горького новые размах, новую глубину, новые масштабы. Теперь уже речь шла не о выпуске отдельных книг, а о создании большой литературы для советских детей, направленной к воспитанию подлинных граждан социалистического общества.

Горький участвовал в самой кропотливой работе по составлению издательских планов, призывал советских литераторов и ученых писать для ребят, печатал в газетах замечательные статьи, полные идей, предположений, замыслов, накопившихся у него за многие десятилетия.

Особенно памятна его статья «Литература — детям». Он говорил: «У нас не должно, не надлежит для детей книг, которые должны способствовать развитию в малышах вкуса к знанию, должны обогащать их постижение школьной науки, знакомить их со старой действительностью, разнуменкой отцами, с новой действительностью, которую создают отцы для детей. Речь идет о настоятельной необходимости создать для детей новую, советскую, социалистическую популярно-научную и художественно яркую книгу. Дети должны

быть более культурными и еще более активными, чем их родители, основоположники нового мира».

Горький намечал пути развития нашей детской литературы на ближайшие годы, давал писателям темы, составлял подробные программы. При этом он учитывал не только воспитательные задачи нашей страны и эпохи, но и живые потребности и вкусы читателей-ребенка. Он понимал, что решать вопрос о том, какой должна быть книга для детей, нельзя без участия самих детей. Он обратился к ребятам Советского Союза с анкетой, состоящей всего из двух пунктов: что они читают, что и о чем хотели бы прочесть.

Чем старше становился Алексей Максимович, тем глубже и значительнее были его работы о детях, о воспитании новых людей. В разные времена своей жизни он задал издательству книг для детей, составлял программы выпуска лучших образцов классической литературы для молодежи.

Но никогда мысли о детях не забывали Горького с такой силой, как в последние годы его жизни. Великая Пролетарская Революция придала деятельности Горького новые размах, новую глубину, новые масштабы. Теперь уже речь шла не о выпуске отдельных книг, а о создании большой литературы для советских детей, направленной к воспитанию подлинных граждан социалистического общества.

Горький участвовал в самой кропотливой работе по составлению издательских планов, призывал советских литераторов и ученых писать для ребят, печатал в газетах замечательные статьи, полные идей, предположений, замыслов, накопившихся у него за многие десятилетия.

Особенно памятна его статья «Литература — детям». Он говорил: «У нас не должно, не надлежит для детей книг, которые должны способствовать развитию в малышах вкуса к знанию, должны обогащать их постижение школьной науки, знакомить их со старой действительностью, разнуменкой отцами, с новой действительностью, которую создают отцы для детей. Речь идет о настоятельной необходимости создать для детей новую, советскую, социалистическую популярно-научную и художественно яркую книгу. Дети должны

быть более культурными и еще более активными, чем их родители, основоположники нового мира».

Горький намечал пути развития нашей детской литературы на ближайшие годы, давал писателям темы, составлял подробные программы. При этом он учитывал не только воспитательные задачи нашей страны и эпохи, но и живые потребности и вкусы читателей-ребенка. Он понимал, что решать вопрос о том, какой должна быть книга для детей, нельзя без участия самих детей. Он обратился к ребятам Советского Союза с анкетой, состоящей всего из двух пунктов: что они читают, что и о чем хотели бы прочесть.

Чем старше становился Алексей Максимович, тем глубже и значительнее были его работы о детях, о воспитании новых людей. В разные времена своей жизни он задал издательству книг для детей, составлял программы выпуска лучших образцов классической литературы для молодежи.

Но никогда мысли о детях не забывали Горького с такой силой, как в последние годы его жизни. Великая Пролетарская Революция придала деятельности Горького новые размах, новую глубину, новые масштабы. Теперь уже речь шла не о выпуске отдельных книг, а о создании большой литературы для советских детей, направленной к воспитанию подлинных граждан социалистического общества.

Горький участвовал в самой кропотливой работе по составлению издательских планов, призывал советских литераторов и ученых писать для ребят, печатал в газетах замечательные статьи, полные идей, предположений, замыслов, накопившихся у него за многие десятилетия.

Особенно памятна его статья «Литература — детям». Он говорил: «У нас не должно, не надлежит для детей книг, которые должны способствовать развитию в малышах вкуса к знанию, должны обогащать их постижение школьной науки, знакомить их со старой действительностью, разнуменкой отцами, с новой действительностью, которую создают отцы для детей. Речь идет о настоятельной необходимости создать для детей новую, советскую, социалистическую популярно-научную и художественно яркую книгу. Дети должны

быть более культурными и еще более активными, чем их родители, основоположники нового мира».

Горький намечал пути развития нашей детской литературы на ближайшие годы, давал писателям темы, составлял подробные программы. При этом он учитывал не только воспитательные задачи нашей страны и эпохи, но и живые потребности и вкусы читателей-ребенка. Он понимал, что решать вопрос о том, какой должна быть книга для детей, нельзя без участия самих детей. Он обратился к ребятам Советского Союза с анкетой, состоящей всего из двух пунктов: что они читают, что и о чем хотели бы прочесть.

Чем старше становился Алексей Максимович, тем глубже и значительнее были его работы о детях, о воспитании новых людей. В разные времена своей жизни он задал издательству книг для детей, составлял программы выпуска лучших образцов классической литературы для молодежи.

Но никогда мысли о детях не забывали Горького с такой силой, как в последние годы его жизни. Великая Пролетарская Революция придала деятельности Горького новые размах, новую глубину, новые масштабы. Теперь уже речь шла не о выпуске отдельных книг, а о создании большой литературы для советских детей, направленной к воспитанию подлинных граждан социалистического общества.

Горький участвовал в самой кропотливой работе по составлению издательских планов, призывал советских литераторов и ученых писать для ребят, печатал в газетах замечательные статьи, полные идей, предположений, замыслов, накопившихся у него за многие десятилетия.

Особенно памятна его статья «Литература — детям». Он говорил: «У нас не должно, не надлежит для детей книг, которые должны способствовать развитию в малышах вкуса к знанию, должны обогащать их постижение школьной науки, знакомить их со старой действительностью, разнуменкой отцами, с новой действительностью, которую создают отцы для детей. Речь идет о настоятельной необходимости создать для детей новую, советскую, социалистическую популярно-научную и художественно яркую книгу. Дети должны

быть более культурными и еще более активными, чем их родители, основоположники нового мира».

Горький намечал пути развития нашей детской литературы на ближайшие годы, давал писателям темы, составлял подробные программы. При этом он учитывал не только воспитательные задачи нашей страны и эпохи, но и живые потребности и вкусы читателей-ребенка. Он понимал, что решать вопрос о том, какой должна быть книга для детей, нельзя без участия самих детей. Он обратился к ребятам Советского Союза с анкетой, состоящей всего из двух пунктов: что они читают, что и о чем хотели бы прочесть.

Чем старше становился Алексей Максимович, тем глубже и значительнее были его работы о детях, о воспитании новых людей. В разные времена своей жизни он задал издательству книг для детей, составлял программы выпуска лучших образцов классической литературы для молодежи.

Но никогда мысли о детях не забывали Горького с такой силой, как в последние годы его жизни. Великая Пролетарская Революция придала деятельности Горького новые размах, новую глубину, новые масштабы. Теперь уже речь шла не о выпуске отдельных книг, а о создании большой литературы для советских детей, направленной к воспитанию подлинных граждан социалистического общества.

Горький участвовал в самой кропотливой работе по составлению издательских планов, призывал советских литераторов и ученых писать для ребят, печатал в газетах замечательные статьи, полные идей, предположений, замыслов, накопившихся у него за многие десятилетия.

Особенно памятна его статья «Литература — детям». Он говорил: «У нас не должно, не надлежит для детей книг, которые должны способствовать развитию в малышах вкуса к знанию, должны обогащать их постижение школьной науки, знакомить их со старой действительностью, разнуменкой отцами, с новой действительностью, которую создают отцы для детей. Речь идет о настоятельной необходимости создать для детей новую, советскую, социалистическую популярно-научную и художественно яркую книгу. Дети должны

быть более культурными и еще более активными, чем их родители, основоположники нового мира».

Горький намечал пути развития нашей детской литературы на ближайшие годы, давал писателям темы, составлял подробные программы. При этом он учитывал не только воспитательные задачи нашей страны и эпохи, но и живые потребности и вкусы читателей-ребенка. Он понимал, что решать вопрос о том, какой должна быть книга для детей, нельзя без участия самих детей. Он обратился к ребятам Советского Союза с анкетой, состоящей всего из двух пунктов: что они читают, что и о чем хотели бы прочесть.

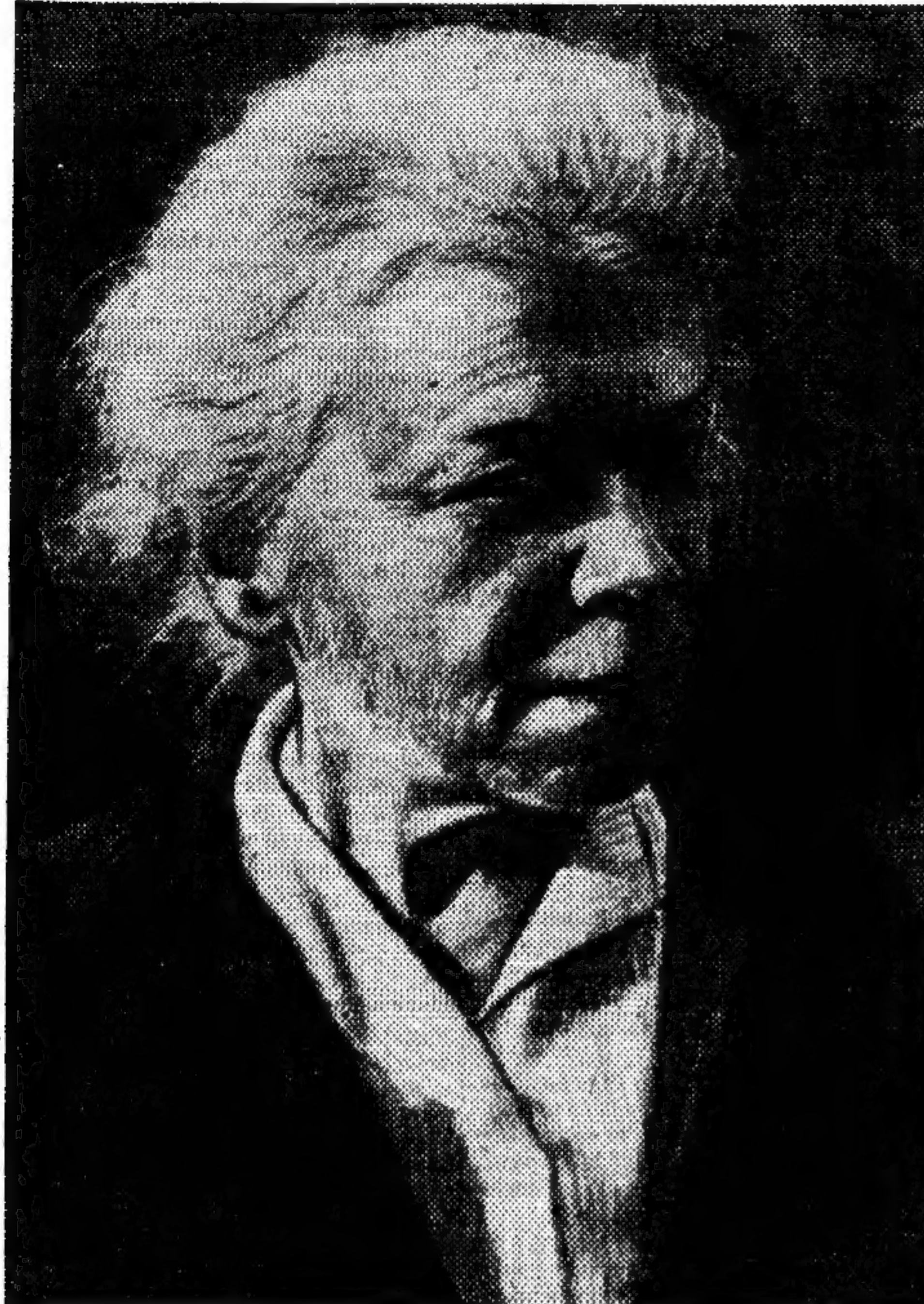
Чем старше становился Алексей Максимович, тем глубже и значительнее были его работы о детях, о воспитании новых людей. В разные времена своей жизни он задал издательству книг для детей, составлял программы выпуска лучших образцов классической литературы для молодежи.

Но никогда мысли о детях не забывали Горького с такой силой, как в последние годы его жизни. Великая Пролетарская Революция придала деятельности Горького новые размах, новую глубину, новые масштабы. Теперь уже речь шла не о выпуске отдельных книг, а о создании большой литературы для советских детей, направленной к воспитанию подлинных граждан социалистического общества.

Горький участвовал в самой кропотливой работе по составлению издательских планов, призывал советских литераторов и ученых писать для ребят, печатал в газетах замечательные статьи, полные идей, предположений, замыслов, накопившихся у него за многие десятилетия.

Особенно памятна его статья «Литература — детям». Он говорил: «У нас не должно, не надлежит для детей книг, которые должны способствовать развитию в малышах вкуса к знанию, должны обогащать их постижение шко

М. И. Ульянова

ПАМЯТИ
БОЛЬШОГО ДРУГА
РАБСЕЛЬКОВОР

Смерть Марии Ильиничны — большое, тяжелое горе.
Когда вредители-кулаки убили моего мужа — рабкора «Правды», Мария Ильинична отнеслась к постигшему нас несчастью, как родной человек. Она первая оказала нам помощь во всем. Она приняла деятельное участие в расследовании подлостью убийства моего мужа. Она проявила большую заботу о семье рабкора Спиридонова.

Память о Марии Ильиничне — другом всех трудящихся — будет вечно жить в семье рабкора Спиридонова и в сердцах его односельчан-членов колхоза им. Сталина, Московской области.

Меня рабкора «Правды» Н. И. Спиридонова, технический сотрудник «Литвеста»

ЕЛЕНА СПИРИДОНОВА.

ОСЕТИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
В МОСКВЕ

11 июня в Москву приехали в творческую командировку бригада писателей Северо-Осетинской автономной республики в составе: К. Балаева, Д. Мамсурова, А. Гудуева, Г. Кайтукоева, Г. Плиева, Х. Плиева и А. Исакова (казаки).

Делегация пробудет в Москве дней 10—12, после чего поедет в Ленинград, Киев, Симферополь и Тбилиси.

В III детском театре

В «Пролетках Скалена» с особенной силой проявилось тяготение Мольера к приемам площадного фарса.

Этого не могли ему простить многие защитники дворянского театра, пуще смерти боявшиеся вторжения «демоса» в область искусства.

В своем знаменитом трактате «Искусство поэзии» Буало с полной открытостью выступает против этой тенденции Мольера.

К сожалению, такой народности, непосредственности, представлявшейся Буало «шутством», зарождалось все, втягивающее весь зрительный зал, буффонной яркости, зазора, проказливости еще нехватало в постановке Пыжовой и Вибикова в III детском театре.

Специальность смотреть легко, приятно, в него вложено много вкуса и такта, но иногда этот такт назначает тактичность: хочется большей прикраски, большей густоты красок, ярких и убедительных преувеличений, лежащих в природе самой комедии.

Вместе с тем, что это еще можно назвать в спектакле, не ломаю его структуры, не изменяю в корне всей его направленности. В первую очередь, это должно быть поэтично, конечно, по линии актерского исполнения.

Мы имеем, главным образом, в виду исполнителя центральной роли Скалена — М. Петрова. Актер, несомненно, даровитый. Однако очень часто ведущим героем на сцене оказывается не Скален, а его партнер Сильвестр в исполнении Сажина. Именно Сажин ближе всех исполнителю подошел к стилю мольеровской комедии, находясь в близком родстве с итальянской комедией масок.

С удивительной легкостью и комичностью, нигде не переходящей в бесполое комическое, передает Сажин все оттенки поведения этого трусливого, безвольного и вместе с тем лукавого слуги Оранта и Октава. Скален же у Петрова слишком прижат к земле, рассудителен, что ни в какой мере не вяжется со всем его продолжением.

Не если чрезмерная «приглаженность» не в стиле пьесы Мольера, то в такой же мере противоречит этому стилю и слишком карикатурное исполнение Венгером роли Жорнта. Гораздо умереннее в этом смысле — и находчивее в выборе сценических красок — Ватонин.

Литературский элемент в спектакле вносит Зерингетта (Викторова) и Гуаинита (Спиридонова), девушки, в которых влюблены Леандр и Октав. Но и эта линия проведена весьма нерешительно, хотя замысел режиссера здесь вполне уместен.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что спектакль, снова и снова показывая наличие в коллективе III детского театра очень одаренной молодежи, требует основательной доработки.

Я. РОЩИН.

ЛЕВ ДЛИГАЧ

О новых стихах
Е. Полонской

Книга новых стихов Елизаветы Полонской (*) открывается стихотворением, посвященным памяти Сергея Мироновича Кирова. Совершенно естественно, что в новых книгах ленинградских поэтов эта тема занимает большое и почетное место.

В книге Полонской стихотворение «Памяти Сергея Кирова» набрано курсивом и поставлено вперед и вне всех разделов. Это дает право думать, что в идейном и художественном смысле оно определяет последний этап творчества Полонской.

Однако, прочитав весь сборник стихов, приходишь к заключению, что стихотворение «Памяти Сергея Кирова» самое слабое из всего, что помещено в этой слабой книге.

На редкость поверхностное, небрежное и беззастенчивое стихотворение сразу же начинается с безграмотной фразы —

Тебя подкосили в рабочей день,
В запылок...

Во второй строфе встречается та-

*) Елизавета Полонская, «Новые стихи», Гослитиздат, Ленинград, 1937, стр. 118, тираж 5.800. Редактор Н. Юварский.

Враги народа проводили по заранее намеченному плану свою вредительскую работу не только в промышленности, но и в области науки и искусства.

В области истории, философии, литературы создавались антипартийные школы, ведущие завуалированную контрреволюционную пропаганду и всесторонне противодействующие развитию социалистической науки и культуры. Товарищ Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) указывал, что нынешний вредитель, шпион, диверсант старается маскироваться под большевика.

Троцкисты Карев и Сток маскировали свою антипартийную деятельность, якобы борясь за линию партии против извращений марксизма у механистов. Враг народа Ральцевич выступал с критикой меньшинствующего идеализма Карева и Стока. Он выступал как «разоблачитель» вредных книг Авербаха. Это помогло ему в свое время пробраться к руководству философскими учреждениями, и редакторскому ленинградскому литературному изданию.

Дошло до того, что троцкист Ральцевич «проработывал» троцкиста Симанова; троцкист Симанов «проработывал» троцкиста Ральцевича. Оба они велись именем партии, а на деле оба состояли в одной троцкистской шайке.

У работящих идеологического фронта революционная деятельность была недостаточна. Сигналов, свидетельствующих о вредительской работе троцкистов и бухаринцев, было немало. Все эти Авербахи, Горбачевы, Ральцевичи писали крайне путаные антипартийные статьи. В стране, где идеи Маркса, Ленина и Сталина стали руководством к действию миллионов людей, при должной политической бдительности можно было значительно раньше разоблачить этих лжеученых. А между тем Ральцевичи, Пашуканисы и Дубини, вплоть до разоблачения их органами НКВД, усиленно рекламировались своими приспешниками как «теоретики». То же самое было и на литературном фронте.

Враги действовали в одном и том же направлении. Партия неоднократно указывала, что нет и не может быть никаких «школок» и отдельных «руководств» в философии, в истории, в литературе.

«...Теория», — писал товарищ Сталин, — может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она, скажем так, в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаться классы в настоящем, но и то, как и куда должны двигаться они в ближайшем будущем».

Центральный Комитет коммунистической партии является штабом революционной теории и практики.

Там, где возникает «школа», там идет борьба против марксизма — ленинизма и орудуя враг. Достаточно вспомнить весьма поучительную историю борьбы партии против бухаринской школы, достаточно вспомнить историю борьбы партии против троцкистской группы Авербаха, Макаревича, Маякина, в свое время похлеставшей рекламными себя как «литературное руководство». На проверку все эти школы оказывались враждебными социализму.

В этом отношении особенно поучительна история Литфонта. 30-е годы вошли в историю Великой Пролетарской революции как годы разнузданного социалистического наступления в условиях острой борьбы классовых борб. В это время создается контрреволюционный правый блок Сырцова — Ломинца, на базе блока реставраторов всех мастей. Агентурой право-левого блока в литературе явился «Литфонт».

Некоторые участники «Литфонта» входили в контрреволюционную группу Сырцова — Ломинца, многие из литфонтовцев были за это годы разоблачены, как враги народа. Их реставраторские установки нашли свое выражение в антипартийной литературно-политической линии, в теоретических взглядах Литфонта.

Борьба с линией партии обостлила этих послышителей Бухарина и Троцкого. Тут были приверженцы меньшевистских взглядов Перереверова и троцкистских взглядов Воронского. Вчерашние враги «троцкистского» обиделись в беспринципном блоке. Эпиктекти и невелики в вопросах искусства, они были едины в своей борьбе против первого в истории человечества социалистического государства и рожденного им социалистического искусства.

С одной стороны литфонтовцы следовали за Троцким, утверждавшим, что методы марксизма не методы искусства. Ныне разоблаченный враг народа Горбачев утверждал, что «художественная литература есть произведение искусства, а не явление политической идеологии». Выступая за автономии искусства в области политики, литфонтовцы возмущались реакционными писателями и печатали в своем альманахе «Удар по ударом», редактируемом А. Безмяниным, контрреволюционный ласкатель Грабаря «Краснобожий летописец».

В то же время шла травля основного ядра пролетарской литературы. С другой стороны, один из литфонтовских лидеров уверял, что «у нас нет никакого основания искать специфику искусства и в частности художественной литературы, в особенностях обозначаемой «эстетической потребности» и «эстетической восприимчивости» (Бесалов).

За «левой» громкой фразой скрывалась ликвидаторская сущность. Марко указывал, что человек отличается от животного и тем, что творит по законам красоты.

Социализм впервые в истории человечества создает условия для гармонического развития всех способностей человека, в том числе и эстетической.

Победы социализма в нашей стране создают необходимые условия для расцвета художественного творчества народных масс.

Сокращенная народное творчество раскрывается в победе наших музыкантов, в чудесных песнях и плакатах народов СССР, в росте советского искусства.

«Необходимо было, писал Марко, определить человеческую сущность и в теоретическом и в практическом отношении, чтобы и очеловечить чувство человека, и создать соответствующий человеческий смысл для понимания всего богатства сущности человека и природы». И вот тогда созданы эти условия для расцвета народных талантов, литфонтовцы стали развивать вреднейшую теорию об «управлении» эстетической потреб-

коства. Ныне разоблаченный враг народа Горбачев утверждал, что «художественная литература есть произведение искусства, а не явление политической идеологии».

Выступая за автономии искусства в области политики, литфонтовцы возмущались реакционными писателями и печатали в своем альманахе «Удар по ударом», редактируемом А. Безмяниным, контрреволюционный ласкатель Грабаря «Краснобожий летописец».

В то же время шла травля основного ядра пролетарской литературы. С другой стороны, один из литфонтовских лидеров уверял, что «у нас нет никакого основания искать специфику искусства и в частности художественной литературы, в особенностях обозначаемой «эстетической потребности» и «эстетической восприимчивости» (Бесалов).

За «левой» громкой фразой скрывалась ликвидаторская сущность. Марко указывал, что человек отличается от животного и тем, что творит по законам красоты.

Социализм впервые в истории человечества создает условия для гармонического развития всех способностей человека, в том числе и эстетической.

Победы социализма в нашей стране создают необходимые условия для расцвета художественного творчества народных масс.

Сокращенная народное творчество раскрывается в победе наших музыкантов, в чудесных песнях и плакатах народов СССР, в росте советского искусства.

«Необходимо было, писал Марко, определить человеческую сущность и в теоретическом и в практическом отношении, чтобы и очеловечить чувство человека, и создать соответствующий человеческий смысл для понимания всего богатства сущности человека и природы». И вот тогда созданы эти условия для расцвета народных талантов, литфонтовцы стали развивать вреднейшую теорию об «управлении» эстетической потреб-

ности. В то же время шла травля основного ядра пролетарской литературы. С другой стороны, один из литфонтовских лидеров уверял, что «у нас нет никакого основания искать специфику искусства и в частности художественной литературы, в особенностях обозначаемой «эстетической потребности» и «эстетической восприимчивости» (Бесалов).

За «левой» громкой фразой скрывалась ликвидаторская сущность. Марко указывал, что человек отличается от животного и тем, что творит по законам красоты.

Социализм впервые в истории человечества создает условия для гармонического развития всех способностей человека, в том числе и эстетической.

Победы социализма в нашей стране создают необходимые условия для расцвета художественного творчества народных масс.

Сокращенная народное творчество раскрывается в победе наших музыкантов, в чудесных песнях и плакатах народов СССР, в росте советского искусства.

«Необходимо было, писал Марко, определить человеческую сущность и в теоретическом и в практическом отношении, чтобы и очеловечить чувство человека, и создать соответствующий человеческий смысл для понимания всего богатства сущности человека и природы». И вот тогда созданы эти условия для расцвета народных талантов, литфонтовцы стали развивать вреднейшую теорию об «управлении» эстетической потреб-

ности. В то же время шла травля основного ядра пролетарской литературы. С другой стороны, один из литфонтовских лидеров уверял, что «у нас нет никакого основания искать специфику искусства и в частности художественной литературы, в особенностях обозначаемой «эстетической потребности» и «эстетической восприимчивости» (Бесалов).

За «левой» громкой фразой скрывалась ликвидаторская сущность. Марко указывал, что человек отличается от животного и тем, что творит по законам красоты.

Социализм впервые в истории человечества создает условия для гармонического развития всех способностей человека, в том числе и эстетической.

Победы социализма в нашей стране создают необходимые условия для расцвета художественного творчества народных масс.

Сокращенная народное творчество раскрывается в победе наших музыкантов, в чудесных песнях и плакатах народов СССР, в росте советского искусства.

«Необходимо было, писал Марко, определить человеческую сущность и в теоретическом и в практическом отношении, чтобы и очеловечить чувство человека, и создать соответствующий человеческий смысл для понимания всего богатства сущности человека и природы». И вот тогда созданы эти условия для расцвета народных талантов, литфонтовцы стали развивать вреднейшую теорию об «управлении» эстетической потреб-

ности. В то же время шла травля основного ядра пролетарской литературы. С другой стороны, один из литфонтовских лидеров уверял, что «у нас нет никакого основания искать специфику искусства и в частности художественной литературы, в особенностях обозначаемой «эстетической потребности» и «эстетической восприимчивости» (Бесалов).

За «левой» громкой фразой скрывалась ликвидаторская сущность. Марко указывал, что человек отличается от животного и тем, что творит по законам красоты.

Социализм впервые в истории человечества создает условия для гармонического развития всех способностей человека, в том числе и эстетической.

Победы социализма в нашей стране создают необходимые условия для расцвета художественного творчества народных масс.

Сокращенная народное творчество раскрывается в победе наших музыкантов, в чудесных песнях и плакатах народов СССР, в росте советского искусства.

«Необходимо было, писал Марко, определить человеческую сущность и в теоретическом и в практическом отношении, чтобы и очеловечить чувство человека, и создать соответствующий человеческий смысл для понимания всего богатства сущности человека и природы». И вот тогда созданы эти условия для расцвета народных талантов, литфонтовцы стали развивать вреднейшую теорию об «управлении» эстетической потреб-

ности. В то же время шла травля основного ядра пролетарской литературы. С другой стороны, один из литфонтовских лидеров уверял, что «у нас нет никакого основания искать специфику искусства и в частности художественной литературы, в особенностях обозначаемой «эстетической потребности» и «эстетической восприимчивости» (Бесалов).

За «левой» громкой фразой скрывалась ликвидаторская сущность. Марко указывал, что человек отличается от животного и тем, что творит по законам красоты.

Социализм впервые в истории человечества создает условия для гармонического развития всех способностей человека, в том числе и эстетической.

Победы социализма в нашей стране создают необходимые условия для расцвета художественного творчества народных масс.

Сокращенная народное творчество раскрывается в победе наших музыкантов, в чудесных песнях и плакатах народов СССР, в росте советского искусства.

«Необходимо было, писал Марко, определить человеческую сущность и в теоретическом и в практическом отношении, чтобы и очеловечить чувство человека, и создать соответствующий человеческий смысл для понимания всего богатства сущности человека и природы». И вот тогда созданы эти условия для расцвета народных талантов, литфонтовцы стали развивать вреднейшую теорию об «управлении» эстетической потреб-

ности. В то же время шла травля основного ядра пролетарской литературы. С другой стороны, один из литфонтовских лидеров уверял, что «у нас нет никакого основания искать специфику искусства и в частности художественной литературы, в особенностях обозначаемой «эстетической потребности» и «эстетической восприимчивости» (Бесалов).

поставлении большого настоящего искусства революции.

Далеко не случайно, что литфонтовцы, авербаховцы, бухаринцы были едины в своей травле Горького, Серафимовича, Маяковского, Шолохова, Панферова, Фадеева.

Авербаховская школа выступала против «Литфонта», «Литфонт» выступал против Авербаха.

Каждый из них обвинял своего противника в измене марксизму и клаясь великим именем партии. Но в действительности и авербаховцы и литфонтовцы были драчунами против линии партии в литературе. Сейчас кое-кто из бывших литфонтовцев пытается встать в позу разоблачителей Авербаха, «авербахов», что и авербаховцы и литфонтовцы стояли на антипартийных позициях.

Эти реванистские настроения должны быть сурово осуждены. Борьба за партийную линию в литературе связана с политическим и идейным разгромом антипартийных школ.

Необходимо помнить об единой реставраторской сущности Литфонта и авербаховской школы при видимости ожесточенной драки между ними.

Авербаховцы совместно с литфонтовцами пытались вычеркнуть классика социалистического реализма А. М. Горького из пролетарской литературы. «Меньшевик (Вибик, Лянко) или махавец по существу (Бесалов) или плохой большевик и марксист по собственному признанию М. Горький», — писал враг народа Горбачев, — могли быть пролетарскими писателями в свое время и не смогли бы быть ими в другое время».

«Горький», — писал бывший авербаховец Ермаков, — пролетарский писатель в той степени и постольку, в какой степени и постольку пролетарца осуществляют задание буржуазно-демократической революции, те задачи, которые должны были быть осуществлены русской буржуазией, если бы она не была у нас столь бедна и бессильна».

Горбачев утверждал, что Серафимович второстепенный писатель. Авербаховцы вели безобразную травлю автора «Железного потока».

Литфонтовцы объявлял Шолохова мешанинским писателем.

Авербаховец Селивановский заявлял, что Шолохов вне пролетарской литературы.

Известная травля Серафимовича, Панферова и Фадеева, организованная авербаховским «центром».

В том же направлении действовали и литфонтовцы в своей травле основного ядра пролетарской литературы.

Разве это не единая линия, направленная против советского искусства? Творческие лозунги лавастовской группы вытекают из троцкистской программы Авербаха.

Авербаховская школа выдвинула лозунг о срывании всех и всяческих масок, ссылаясь при этом на классические статьи Ленина о Толстом. Трудно представить себе более наглую фальсификацию ленинских положений.

В статьях о Толстом Ленин говорил о необходимости срывания всех и всяческих масок с буржуазной действительности, с буржуазного суда, с буржуазной семьи. Ленинский лозунг о срывании всех и всяческих масок означал разоблачение лопастей и лицемерия буржуазного общества.

В эпоху литературы пролетариата отношения людей делаются прозрачными и разумными. Правда революция — самый убедительный агитатор за дело социализма.

Ложь, лицемерие и пошлость в условиях литературы пролетариата являются признаками капитализма. Маскируются классовый враг, пытаясь таким путем напастить пролетарскому государству и спасти от победного шествия социализма. Авербаховцы генерализовали их лозунг о срывании всех и всяческих масок по отношению ко всей советской действительности. Тем самым они осмелились утверждать, что маски надо срыгнуть с советского государства, советского суда и т. д.

Как же литфонтовцы боролись против лозунга срывания масок? В самый разгар борьбы появляется статья Безмяниного «О проблеме создания типа», где провозглашается лозунг «содвигания масок».

«Содвигание масок помогает срыванию масок», — утверждает тов. Безмяниный.

«Не надо забывать, что создание типа есть всегда в известной мере создание масок».

Согласно этой, с позволения сказать, теории, выходит, что правдивое, без масок изображение действительности невозможно с раскрытием сущности людей.

Как у левенка молодого, Полный белыми аубами, Задремала, опустив Шелюхастые ресницы, Что густые покрывала, На больше, как у левенка Светло-карие глаза.

Ресницы, опущенные на глаза, рот, полный аубами! — после таких строк душнющие:

Но люди яростно боролись, валящаяся, В горячих простынях без усталости металась.

— могут и впрямь показаться достижением.

Переводы Елизаветы Полонской также не отличаются большой художественностью. Они обидены под заголовком «Голоса надали» и заключают книгу.

Однако основная беда книги не в ее художественности и даже не в том, что она написана небрежно, а в полном отсутствии «эерна», обязательного для каждого произведения искусства.

Слова, слова, в которых от чувства нет ничего, кроме интонации, заставили очень колдовской, напояли ее книгу. Напряженные словесной тканью лозунги кажутся даже на таком более или менее удачном стихотворении, как «Снег в горах».

Мне снег На черном гребне гор Напоминает, аэаю а,

Рот гранатового цвета,

Рот гранатового цвета,

Рот гранатового цвета,

Теория «содвигания масок» была направлена против реализма, против правдивого отражения действительности в искусстве.

Лозунг «содвигания масок» оказался оборотной стороной лозунга «срывания масок».

Авербаховцы выдвинули идеалистический лозунг «за живого человека», из которого явствовало, что писатель должен уметь найти в классовом враге хорошие. Литфонтовцы в своей борьбе против этого лозунга выдвинули вреднейшую теорию, отрицающую развитие индивидуальности в социалистическом обществе, находящуюся в прямом противоречии с указаниями классиков марксизма.

«Только в коллективе, писали Марко и Энгельс в «Немецкой идеологии», получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода».

Советская литература делает шаг вперед в художественном развитии человечества именно потому, что она изображает великое движение миллионов народных масс от капитализма к коммунизму.

Партия большевиков всегда боролась против неправильного понимания отношения личности и коллектива. Тов. Ленин и тов. Сталин неоднократно пресекали попытки политически неверного понимания развития в эпоху социализма.

Социализм впервые в истории создает условия для роста человеческой личности. Литфонт явился рупором реакционных теорий о растворении индивидуальности в коллективе. Так рождалась теория отрицания психологического романа. Настроения эти в известной мере сказались и в творчестве Безмяниного.

Троцкистское отрицание построения социализма в одной стране привело литфонтовцев к отрицанию социалистической переделки людей. Горбачев осмеливался утверждать, что основной темой советской литературы является тема «лининого человека» в современности. Эта явно контрреволюционная теория не встретила осуждения со стороны других литфонтовцев. Более того, они смыкаются с Горбачевым в своем «учении» о положительных и отрицательных характерах.

Уже после ликвидации Литфонта Рожков утверждал, что Ленинская из «Разгрома» Фадеева и Кирилла Ждарикина из «Бурски» Панферова нельзя называть типическими характерами, потому что в их осязании еще есть родимые пятна капитализма. Что это как не отрицание типических процессов переделки миллионов людей в эпоху социализма. Что это, как не обратная сторона лозунга «за живого человека», столь ревностно критикуемого Рожковым.

На писаниях литфонтовцев и авербаховцев лежит неизгладимая печать псевдо-научности и стоицизма.

«Профессор» от литфонта Зонин выпустил книжку, где шаманские жонглирование категориями диалектики сочетались с вреднейшими антимарксистскими высказываниями. Еще до сих пор на раскрытывала Бесалов своих вредных гутаных писаний.

Авербаховская группа выдвинула положение о том, что писатель должен овладеть «диалектико-материалистическим творческим методом», а потому по этому методу писать. На деле это означало борьбу против марксистско-ленинской теории.

Что это, как не единодушные реставраторов всех мастей в борьбе против линии партии?

Партия ведет неустанную борьбу против враждебных влияний в литературе. Как же могло случиться, что уже после постановления ЦК от 23 апреля 1932 года о ликвидации Литфонта РПМ 6 лет существовал авербаховский — троцкистский центр в литературе? Как могло случиться, что литфонтовцы после разгрома Литфонта проводили антипартийные установки в литературе. Гореловы, Маякины, Горбачевы вели в литературе подпольную работу по полному разоблачению их как врагов народа, хотя была ясна вредность их псевдонаучной страшилки.

Это произошло благодаря идеологии болезни — бесчестности, еще существующей в литературной среде.

Товарищ Сталин на пленуме ЦК указывал, что необходимо разбить «гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских вредителей нет будто бы больше резервов, что они добывают будто бы свои последние кадры».

Разбойники пера типа Авербаха, Горбачева тем и живут, что клеветают на рабочий класс СССР и на его писателей. Тем суровее должны быть осуждены попытки смазать антипартийную сущность литературных позиций Литфонта и авербаховской школы.

Сознание противится противостественному построению фразы: чистей, «мне эскалатор плат» и некоторые время недоумевали.

В книге Полонской нет собранности и единства. Она — как бы результат первоначальных и случайных наблюдений, наспех и кое-как изложенных стихами. Все, что есть в этой книге от нашей живой почвы и подлинной жизни, предположительно крайне навязно и беспомощно.

Мы солнце и вность С собой несем! А сколько мы песен Сегодня споем!

Мы зная поднимем! Мы крикнем «ура» Вождям революции, Войцам Октября.

Как бы мы ни расценивали то, что сделало Елизаветой Полонской в прошлом, как бы ни определяли ее удальи

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

1927 год

«Жизнь Клима Самгина»

Десять лет назад, 23 июня 1927 года, в «Правде» начали печататься первые отрывки «Жизни Клима Самгина» М. Горького. Первоначально это заглавие относилось только к отрывкам. Все произведение в целом Горький дал название: «40 лет».

Отрывки из «Жизни Клима Самгина», вслед за «Правдой», с 26 июня начали печататься и в «Известиях». Отдельные главы были помещены в «Красной нове», в «Огоньке», в альманахе «Круг».

Сейчас, после выхода четвертого тома повести, общепризнано, что это произведение является вершиной горьковского творчества. И в то же время «Жизнь Клима Самгина» является как бы итогом полувековых наблюдений и изучения Горьким русской жизни. Нарисованные Горьким картины общественной жизни, характеров и нравов четырех десятилетий представляют собою эпопею, рядом с которой могут быть поставлены лишь избранные произведения всей мировой литературы.

В литературном творчестве Горького «Жизнь Клима Самгина» занимает такое же, если не большее, место, как «Евгений Онегин» у Пушкина или «Мертвые души» у Гоголя. Достаточное сказать, что эта книга составлялась в течение 30 лет. С того времени, когда Горький только задумал образ Самгина и пока он дал в печать первые отрывки, прошло более двадцати лет. И еще десять лет прошло прежде, чем он довел эпопею до конца.

Он сам рассказывает историю возникновения своей повести:

«Эта книга ватаана мною давно. После первой революции пятого-шестого года, когда интеллигенция, считавшая себя революционной, — она и действительно принимала кое-какое фактическое участие в организации первой революции, — в седьмом-восьмом годах начала круто уходить вправо. Тогда появились кадетский вправо, «Вехи» и целый ряд других произведений, которые указывали и доказывали, что интеллигенция с рабочим классом и вообще с революцией не по дороге. У меня явилось желание дать фигуру такого, по моему мнению, типичного интеллигента. Я их знал лично и в довольно большом количестве, но, кроме того, я знал этого интеллигента исторически, литературно, знал его как тип не только нашей страны, но и Франции и Англии».

Печатание повести было воспринято всей страной как крупнейшее литературное событие. Отдельные главы и отрывки, как только они появлялись в печати, вызвали восторженные оценки читателей и критиков, востех, кому была дорога и близка советская литература.

Только из контрреволюционного троцкистского угла не прекращалось нападение по адресу Горького. И это нападение становилось с каждым днем тем злобнее, чем большим успехом пользовалась «Жизнь Клима Самгина».

Не трудно понять, почему так были обозначены троцкистские бандиты и их подлодки. «Та интеллигенция, — говорил впоследствии Горький, — которая живет в эмиграции, за границей, клеветает на Союз Советов, организуя заговоры и вообще занимается подлостями, эта интеллигенция в большинстве состоит из Самгиных». Троцкистская агентура с первых же страниц увидела в Самгине свой портрет.

Чего только ни придумали они, чтобы ослабить успех «Самгина» и фальшиво истолковать его значение! Троцкист Горбачев утверждал, например, что в повести «поражает отсутствие единой, освещающей ее идеи». Вполне в тон ему, на страницах «На литературном посту», выступил Эльзберг с таким безграмотным заявлением: «Жизнь Клима Самгина» является кульминационным пунктом пренебрежения М. Горького к сюжетным литературным формам».

Не довольствуясь этим, Эльзберг пытался уверить читателей, что «Жизнь Клима Самгина», как и другие произведения Горького последнего периода, не имеет социального значения. Заявившись чудовищным сопоставлением Самгина с самим Горьким, Эльзберг пришел к выводу, что «скептические самгинские очки уже оказали свое вредное влияние на глаза Горького».

Отсюда уже недалеко было и до того, чтобы утверждать полную идентичность Горького и Самгина. Это, в конце концов, и сделал Вешнев. В номере двадцатом «На литературном посту» за 1927 год он вынул с наглостью статью «Горькое лакомство» (одно название чего стоит!), в которой так прямо и писал: «Совершенно ясно, что Клима — ширма, за которую опрятался сам Горький. Он старается не выдавать себя».

Здесь же, походу, Вешнев утверждал, что лень, разгильдяйство, неуменье работать, самонадеянность — все это было бы исконно-русские черты. Очевидно таким способом русский народ, он продолжал клеветать и на Горького, заявляя, будто Горький записывает и смакует эти черты характера.

Легко понять, с каким удовольствием печатал презренный троцкист Авербах все эти безграмотные и клеветнические статьи против Горького. Разумеется, вся эта гнусная и нелепая брань не имела ни среди читателей, ни среди писателей никакого резонанса. С первого же своего появления «Жизнь Клима Самгина» стала одним из самых популярных произведений советской литературы. Впоследствии, с выходом каждого нового тома, успех этого произведения становился лишь еще большим и более действенным.

Охрана авторских прав

Решение Наркомфина СССР

Правление Союза советских писателей получило следующее письмо Наркомфина СССР по вопросам, поставленным в связи с ревизией Управления по охране авторских прав: «По обстоятельству, что НКФин СССР поставлен в связи с ревизией вопрос: 1. О пересмотре организационной структуры Управления по охране авторских прав и 2. О снижении норм авторского гонорара, не может служить основанием к прекращению уплаты авторского гонорара в пределах норм, на законном основании действующих в настоящее время».

Все организации и учреждения, обязанные по закону уплачивать авторский гонорар, не могут отказываться от выполнения возложенных на них обязанностей по отношению к авторам вверенных им организаций выдающих Наркомфином СССР вопросу».

В часы досуга на военном корабле. Старший радист тов. Бородай читает краснофлотцам книгу Новикова-Прибоя «Пусима».

Экспедиция на Южный полюс

Книга Амундсена вышла как нельзя более своевременно. Советский читатель будет сейчас с особым чувством читать эти мемуары великого норвежского путешественника, жизнь которого представляла собой цепь изумительных открытий, легендарных дел, направленных на подчинение сил природы воле человека.

Любим социалистической страны, величайшим реалистом и величайшим мечтателем в мире, недавно вписавшим в историю человечества одну из самых вдохновенных и страстных фактов завоевания Северного полюса, больше чем кому-либо близка и понятна героическая романтика, которой насыщены эти спокойные, будничные записки. Лишенные всяких поэтических прикрас и намеков на патетизм, они тем не менее о волнующей полноте воссоздают великую, почти эпическую картину похода Амундсена на Южный полюс.

Книга учит мужеству, выдержке, инициативе, она воспитывает любовь к точности, методичности, она с удивительной наглядностью демонстрирует решающее значение четкого разрабатанного плана в таких грандиозных предприятиях. О том, до каких мельчайших деталей продумал Амундсен свой исторический маршрут, свидетельствует следующий факт: заключительная фраза плана, намеченного и выполненного Амундсеном еще в 1909 году, содержит указание на то, что участники похода к полюсу вернутся 25 января 1912 года. — констатирует Амундсен, мы подвезем к «Фрамиду», благополучно совершив поход к полюсу».

В книге много теплого юмора, особенно в страницах, посвященных изображению быта экспедиции. С восхищением описывает Амундсен «отзывчивость» своих соотечественников, пришедших ему на помощь различными видами слабости. Но советский читатель иначе воспримет эти отрывки: ему странно будет видеть, что в буржуазном обществе и до великих начинаний целиком зависит от милостей частных жертвователей. Он знает, что советская власть, осуществляя любой замысел, обеспечивает наших ученых, исследователей.

Руан Амундсен, «Южный полюс». 434 стр. Цена 7 р. 50 к. Предисловие профессора Ю. Визе. Издательство «Молодая гвардия».

Ветер, путешественников решительно всем, что им необходимо для скорейшего и благополучнейшего достижения цели. А вот Амундсен должен был «считаться с весьма ограниченными средствами», а потому, расходуя деньги, «выбрасывался наизыма», по его же свидетельству; он должен был рассчитывать на то, что одна фирма преподнесет ему в дар кухонную и столовую посуду, другая — пачебушные принадлежности, третья — кожаные сапоги, что одна фабрика великодушно обеспечит экспедицию фруктовым соком, другая — конфетами, третья — сылками и т. д. и т. п.

Советский читатель, конечно, не будет в претензии к отважному мореходу за то, что он воспользовался единственно возможными в капиталистическом обществе формами помощи. Но невольный улыбка вызывает представляющая собой все восхищение благодушием Амундсена убежденность в том, что житейские обстоятельства — из высоких побуждений. Любим школьник в СССР без лишнего труда разгадает полные пружины, руководящие людьми, для которых весь смысл жизни сводится к рекламе и накоплению.

Но искренно огорчен будет читатель, убедившись, что и сам великий Амундсен был сильно заражен идеями буржуазной психологии, что и для него погоня за сенсационными рекордами являлась одним из сильнейших стимулов деятельности. Даже экспедиция на Южный полюс была проинспирирована сообщениями, недостойными этого замечательного человека. Амундсен сознается, что путешествие в Южному полюсу не входило в его планы. Мечтой его жизни был Северный полюс. К этому он готовился полтора года. Но неожиданно весь мир был ошеломлен сообщением о том, что Роберт Пири уже достиг на собаках Северного полюса.

С той же быстротой, с какой известие пролетело по телеграфному кабелю, я решил переменить фронт — перестроиться и обратиться лицом к югу».

Не только от своих жертвователей и от печати, но и от своих спутников Амундсен скрыл свое решение. Боюсь, как бы кто-нибудь не передал его идею и в особенности, как бы не слишком авторитетно сообщившийся на тот же Южный полюс англичанин Скотт, Амундсен ввел весь мир

в заблуждение. Он заверил всех, что отправляется на Северный полюс для научных исследований, и только в гавани на острове Мадейра он открыл экипажу корабля свои подлинные намерения.

Характерно, что Амундсен в книге не очень-то старается замаскировать рекордсменский характер экспедиции на Южный полюс. В одном месте он откровенно заявляет:

«Если уж мы пускались в погоню за этим рекордом, то должны были во что бы то ни стало оказаться первыми на месте».

Всю преимущественность перед Скоттом Амундсен видел в том, что его, Амундсена, экспедиция не базировалась целиком на научных исследованиях. «Наука представляла собой приправу к этому небольшому отклонению от пути» (экспедиция Скотта — Я. З.). Иначе говоря, обогащение науки не являлось целью путешествия, оно только учитывалось как возможный результат.

Весьма любопытны переживания Амундсена в тот момент, когда он достиг своей цели, когда приборы указали, что он и три его спутника — на Южном полюсе.

«Не могу сказать, — хотя знаю, что это произвело во мне гораздо больший эффект, — что я стоял у цели своей жизни... Лучшее же буду откровенен и прямо заявлю, что, пожалуй, никто из людей не стоял, как я в данный момент, на месте... диаметрально противоположном цели своих желаний! Область Северного полюса, — да чего уж там, нет, сам Северный полюс! — с детства притягивал меня, а вот я теперь очутился на Южном полюсе! Можно ли представить себе что-либо более противоположное!».

Разве эти признания не полны трагического смысла, разве картина, нарисованная здесь Амундсеном, не воспринимается нами как мрачный символ действительности, где господствует слепая стихия, во власти которой оказываются и самые светлые, передовые умы буржуазного общества?

Читая эту книгу, советская молодежь научится не только ценить заслуги таких людей, как Амундсен, но и горячее любить свою социалистическую родину, где единственной стимулом и двигателем во всех начинаниях являются правильные и понятные интересы социалистического общества, интересы родины.

Я. ЭДЕЛЬМАН.

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

ГОСЛИТИЗДАТ

* Краткая популярная биография А. С. Пушкина, написанная К. Берковым, выпущена издательством К 138-й годовщины со дня рождения великого поэта.

* В ближайшем времени поступит в продажу роман французского писателя Луя Гюго «Черная кровь» (перевод Ф. Шиндлерского, послесловие

Ив. Аленикова), роман Клода Тилье «Мой дядя Бенжамен» и комедия Карло Гольдони «Самодуры» (перевод Т. Шенников-Куперник). Пьеса Гольдони снабжена режиссерским комментарием Ив. Рязанца.

* «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

* Сборники стихотворений и поэм А. Н. Плещеева, Н. Щербины и

И. Митяева вышли в серии «Малая библиотека поэта».

* «Великий фольклор» — выпущен в свет сборник устных поэтических произведений жителей Кузбасского края. Составлена книга В. М. Сидельниковым и В. Ю. Криванской. Предисловие и редакция — проф. Ю. М. Соколова.

В партгруппе правления
союза советских писателей

13 июня партгруппа правления Союза советских писателей продолжала обсуждение деятельности группы «Литфронт», являющейся, как известно, прямой агентурой правящего блока Сырцова—Ломинидзе. Выступавшие в первый день бывшие лидеры «Литфронта» вместо большевистской критики антипартийной троцкистской программы «Литфронта» рассказывали о своей деятельности с этическим спокойствием, как будто это не они послужили ширмой для вражеских машин.

Такой же характер носило и выступление во второй день В. Кина, который не нашел нужным подвергнуть решительной критике вреднейшие «творческие» взгляды «Литфронта», приобщившие, как и авербаховщина, к ликвидации художественной литературы. На заседании выяснилось, что В. Кин находился в близком аналогичестве с врагом народа Шмидтом и, уезжая за границу, предоставил ему свою квартиру.

А. Безыменский в длинном и путанном заявлении, с одной стороны, признавал факты, которые сообщала о нем «Комсомольская правда», с другой — с другой стороны, пытался объявить выступление «Комсомольской правды» клеветой. С. Трегуб в своей речи изобразил увертки и влияние Безыменского, с фактами в руках доказав, что Безыменский еще в 1934 г. перепродавал свои стихи о Троцком, выкидывая только его имя, но оставляя неприкосновенным остальной текст.

Эпическое спокойствие бывших лидеров «Литфронта» было подвергнуто суровому осуждению. В выступлениях гг. А. Сырцова, В. Криванской, И. Чичерова, Н. Глаголева, Н. Чертовой, О. Войтинской, П. Юдина был раскрыт подлинный смысл литфронтской группы. Она была задумана и создана право-троцкистским блоком, она была его филиалом в литературе. Не случайно в рядах литфронтовцев оказалось немало врагов народа — троцкистов: Горелов, Горбачев, Камегулов, Мустаганов и др.

Тов. Чертова рассказала о сырцовской литературной группе в Сибири «Настоящее», транжирившей великого пролетарского писателя Горького и др.

НЕ ТЕРЯТЬ НИ МИНУТЫ!

На активе Комитета по делам искусств при СНК СССР

Состоявшееся 13 июня заседание актива Комитета по делам искусств при СНК СССР было посвящено вопросам подготовки к осеннему сезону (сентябрь — декабрь 1937 г.) и празднованию двадцатой годовщины Великой Пролетарской Революции.

Но, увы, Ветховенский зал Большого театра являл пустыми местами. Многие из тех, чье веское слово должно было прозвучать на активе, проявляли к нему постыдное равнодушие. Г. Л. Рошаль усомнился даже, есть ли вдум для обсуждения всех тех вопросов, которые были поставлены, не всегда с достаточной остротой, Л. О. Боярским.

Докладчика нельзя упрекнуть в чрезмерной оптимистичности, но, несмотря на тревогу за судьбу октябрьских пьес и за своевременность их постановки в его выступлении не было.

Всесоюзный Комитет располагает 42 пьесами, с которыми уже знакомы периферийные театры. Но основные пьесы, привязанные, что называется, определенно к октябрьскому репертуару, еще дорабатываются и перерабатываются (В. Иванов, Л. Сефтуллин и др.) или пишутся (А. Толстой и др.). На активе возникло опасение — не является ли ошибочной тенденция Комитета не допустить дублирование театрами любимых пьес?

Против этого возражали гг. Белловский и Мейерхольд. Они настаивают на предоставлении каждому театру выбрать интересующую его пьесу.

Не отрицая важности работы Репертуарного сектора Комитета, т. Велловский высказал также правильное опасение — не подменяет ли этот сектор активной роли самих театров

пытавшейся ликвидировать художественную литературу. Руководители «Настоящего» В. Рязанца и Гальперина стали активными организаторами «Литфронта».

Резкому осуждению подверглись и ряде выступлений позиция П. Рожкова, который в течение ряда лет продолжал проводить литфронтовские взгляды на страницах «Нового мира» при попустительстве И. Гронского, ныне, как сообщают в В. Ставский, снятого с поста писателя с поста редактора этого журнала.

Гронский и Рожков прогнали врагов народа Д. Васильева и И. Макарова, печатавших в «Новом мире» гнилые, контрреволюционные произведения. В откровенной книге «Нового мира», выходящей в годовщину смерти М. Горького, не было ни строки о великом писателе, и союз писателей потребовал перестроить номер журнала.

Тов. В. Ставский в своем заключительном слове со всем остротой подчеркнул значение той работы, которую проводит партгруппа, рассматривая деятельность участников бывших литературно-политических групп, связанных с различными антипартийными организациями.

Вскрытие фактов антипартийной и злобной контрреволюционной работы в литературе способствует повышению бдительности в среде литераторов, учит распознавать вражеские машины и приемы, выявляет подлинное лицо бывших участников литературно-политических группировок.

В. Ставский подверг резкой и справедливой критике выступления П. Рожкова, В. Кина, И. Беспалова, А. Безыменского.

Партгруппа наметила провести совместно с секцией поэтов обсуждение творчества А. Безыменского.

В ближайшее время партгруппа обсудит деятельность бывших участников «Кузники», которая, как указал в своей речи П. Юдин, была связана с правыми отщепенцами Рязанцевым и Томским, а в своей теории и практике исходила из антиинженерских теорий Богданова и проповедовала по существу «рабочедельские» взгляды.

В подготовке репертуара. Это опасение разделяет и Н. П. Охлопков. Во Мейерхольд заострил в своем выступлении вопрос об отсутствии настоящего руководства астролой и о катастрофическом состоянии репертуара к двадцатилетию Великой Пролетарской Революции.

Одно из наиболее узких мест в деятельности Комитета — его издательская база. По словам т. О. Боярского, издательство «Искусство» не в состоянии удовлетворить огромный спрос с мест на пьесы и литературу по искусству.

Очень плохо обстоит дело с изданием юбилейных пьес.

Секретарь парткома ВКИ т. Патерая со всей решительностью требовал от актива повышения бдительности и усиления борьбы за полное очищение рядов работников искусств от вредителей. Он призвал к подтяжке производственной квалификации и к овладению большевизмом.

К сожалению, т. Патерая ничего не сказал о том, как партийная организация ВКИ борется за подготовку октябрьского репертуара.

Выступавший в заседании т. П. М. Керженцев напомнил активу о ряде все еще ждущих своего разрешения задач.

МИХАЙЛОВ

Ответственный редактор

Л. М. СУБОЦКИЙ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Поездный пер. д. 28, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Сретенский бул. 11, тел. 4-68-18 и 5-51-68.

ОТЧЕТНО-ВЫБОРНОЕ СОБРАНИЕ ЛЕНСОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). 25 июня состоялось отчетно-выборное собрание Ленинградского отделения Союза советских писателей.

Собрание заслушает доклад председателя ЛенССП Николая Тихонова и закрытым (тайным) голосованием изберет новое правление.

Виктор Гюго
и его «редактор»

Издательство «Academia» поручило мне редакцию перевода одного из лучших романов Гюго «Отверженные» для нового издания. Этот роман вышел в издательстве «Academia» в 1931 г. под редакцией А. К. Виноградова. Для сверки перевода с французским текстом Гюго и пользовался тем же французским изданием, которое находилось в распоряжении Виноградова.

С первого же тома романа (всех томов 5), помимо встречных мною при сканировании фраз русского перевода с французским текстом извращения, бесмыслен, отбрасывая (а иногда и переводя) выворот тому, что писал Гюго) меня поразил такое обстоятельство: все места французского текста, в которых Гюго говорит против бога, против религии, против монархии, против социального неравенства, в защиту революции и т. д., оказавшись в русском тексте выброшенными целиком и полностью. Если только они такие пропуски собрать вместе, они составят в 5 томах целую брошюру в добрую сотню страниц! Чем же объяснить такое непостижимое явление? Почему в 1931 г., в нашем СССР, оказалось невозможным критиковать бога, религию и монархию? Почему нельзя оппортистично отнестись к революции? Почему оказалось недопустимым даже множеством задевать неужелиously русских царей?

Ответ только один. А. К. Виноградов, во все то редакторские переводы, а ведь старый, цензурированный цар-

ской цензурой безграмотный перевод и подпал его к печати, а пропущено руководство издательства «Academia» слепо доверяло ему и не побоялось хотя бы на выдержку пропустить «работу» этого «редактора», за которую он получил несколько тысяч рублей! Самый характер отдельных извращений романа Гюго говорит о том, что такое заключение является единственным объяснением этого беспримерного факта. Его подтверждает и очень характерная мелочь: на стр. 461 пятого тома [изд. под ред. Виноградова] пропущили такие слова: «Семь букв его имени» (Маркус). Но по нашему правописанию «Маркус» пишется через ШЕСТЬ букв: без твердого знака!

Из числа несомненно сот извращений и пропусков — а пропуски зачастую измеряются несколькими страницами французского текста — приведу некоторые, особенно характерные.

Переведено: «Подземные холмы, практикованные в то доброе старое время, когда война была повсюду» — вместо: «Подземные холмы, практикованные раньше и очень помогавшие бедству монархов и принцев в то доброе старое время, когда народ «любил» своих королей».

Переведено: «До тех пор он никогда не вспоминал о боге» — вместо: «он не верил в бога».

Переведено: «За это время Франция представляла отрадное зрелище для

остальных народов Европы» — вместо: «Свободная и могучая Франция вызвала желание подражать ей у остальных народов Европы».

Переведено: «Представители этих (монархических) партий являлись в революцию только противозаконностью, потому считали себя вправе встать против нее» — У Гюго написано: «Старые партии являются приверженцами перехода власти (божьей милостью) по наследству и считают, что раз революция ролилась из заговора, можно устраивать заговоры против революции. Это — заблуждение. Во время революции заговоры устраивают только короли, а не народ. Революция — это противоположность заговору. Революция является совершенно естественной, а потому вполне законная. Правды, призывавшие к ней иногда бесчестят ее, но даже безгражданная грязь она остается великой, даже запятанная кровью она живнет. Революция — не дело случая, а необходимость. Революция — это возвращение от искусственного к реальному. Она существует потому, что нужно, чтобы она существовала».

Переведено: «Берегись неожиданности каждый!» — вместо: «Революционеры не должны медлить, движение вперед не терпит отсрочки. Не будем бояться неожиданностей».

Переведено: «прозрачные в ругательствах» — вместо: «проклинали бога» и т. д. и т. п.

Но самый характерный из пропусков так четко рисует политические убеждения В. Гюго и представляет его нам в таком ярком свете, что я считаю необходимым привести его почти полностью. Речь идет об отношении В. Гюго к гражданской войне. Вот что писал Гюго на стр. 526—529 французского издания романа «Отверженные» 1891 г., том 4.

«Разве нет такого положения, при котором восстание является великим делом?»

«...Что такое гражданская война? Войну нужно оценивать по ее целям. Нет ни войны между государствами, ни войны гражданской: есть только войны справедливые и несправедливые. До тех пор, пока будет заключен великий союз между всеми народами, война является только пороком, к которому прибегает будущее, чтобы заставить отойти отживающее настоящее в область истории: такая война может быть необходимой. Это можно поставить в упрёк такой войне? Война позорна, и себя презирает в кинжал убийцы только тогда, когда она направлена против права, против прогресса, против разума, против цивилизации, против правды... Деспотизм нарушает моральные границы точно так же, как чувственное порождение нарушает географические. Прогнать тирана или прогнать англичан — это значит в обоих случаях отвоевать свою территорию. Наступает минута, когда словесный протест уже недостаточен, после философских рассуждений приходится прибегнуть к действию. Живая сила людей опустошает то, что разрабатано мыслью... Толпа охотно подчиняется руководителю, но нужно привести ее в движение, толкать, поступать с людьми сурово во имя блага их освобождения, опустить их светом истины, направить их готовые к борьбе гримасы кулаки. Нужно, чтобы они были даже потрясены для их собственного спасения, — это их разбудит. Отсюда необходимость наба и война. Нужно, чтобы великие борцы подымались, заглянув в пасти своей отчаяния, встряхнули все печальное человечество... Когда властелина низвергают во Франции, его надене отражается во всех странах. Восстановить социальную правду, возратить престол сво-

боде, установить дружбу народов со всеми народами, сделать человека полным хозяином своей личности... Восстановить во всей их полноте разум и равенство, уничтожить в зародыше всякий антагонизм, разрушить препятствия, водвинутые королевской властью на пути к всеобщему великому всемирному согласию, возратить человечеству все его права, — что может быть более справедливым? А война ради этих целей разве не является самой великой? Такие войны организуют всеобщий мир. Огромная крепость предрассудков, основанных на привилегиях, суверенитете, жадности, неравенства, мрака его высится над миром со своими башнями, построенными из ненависти. Нужно ее разрушить. Нужно уничтожить эту чудовищную громаду».

Все это целиком вырощено из русского перевода романа, а такое резкое положительное отношение В. Гюго к гражданской войне исключительно ярко характеризует его воззрения.

Гражданскую войну В. Гюго назвал самой великой и единственно справедливой. Конечно, парская цензура не могла потерпеть таких высказываний. И совершенно чудовищным является тот факт, что благодаря таким «редакторам», как А. К. Виноградов, в русском переводе до сих пор не было ни одного полного издания его сочинения.

«Редактор» Виноградов упустил из вида, что его «работы», за которую уплачено ему несколько тысяч рублей, предусмотрена ответственными статьями нашего Уголовного кодекса. Никан нельзя согласиться с тем, что простое начертание своей фамилии должно оплачиваться из средств государства по тысяче рублей за каждую букву.

Д. СВЕРЧКОВ